

Андрей Щупов

ВАШЕ

БЛАГОРОДИЕ, БОМЖ

Андрей Щупов

Ваше благородие, бомж

«Издательские решения»

Щупов А.

Ваше благородие, бомж / А. Щупов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-519152-6

Израженный и уставший, из горячих точек на родину возвращается Тимофей, бывший офицер и спецназовец. За время его отсутствия страна разительно изменилась, и вчерашний майор оказывается бомжом. Но именно с этой социальной жердочки отчетливо видны все страшные язвы перекрашенного общества. Россию беззастенчиво рвут на куски, и майор оказывается втянутым в круговорот кровавых разборок, где тесно переплетаются интересы ненасытных чиновников, деятелей от новомодных сект и откровенных бандитов...

ISBN 978-5-00-519152-6

© Щупов А.

© Издательские решения

Содержание

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, БОМЖ	6
ЧАСТЬ 1 БОМЖ	6
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	36
Глава 8	42
Глава 9	49
Глава 10	53
Глава 11	57
Глава 12	61
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Ваше благородие, бомж

Андрей Щупов

© Андрей Щупов, 2020

ISBN 978-5-0051-9152-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВАШЕ БЛАГОРОДИЕ, БОМЖ

ЧАСТЬ 1 БОМЖ

*«Когда мы подавляем в себе ангела,
он превращается в дьявола.»*

В. Франкл

Глава 1

Сначала из кабака выкинули подвыпивших четырнадцатилетних дюймовочек – размалеванных, как коробки из-под конфет, не по росту задиристых, не по возрасту визгливых, следом выставили двоих упиравшихся бычков. До последнего момента кавалеры так и не осознали, кто и по какому праву выкручивает им руки, пихает в бока. В предбанничке один из них, видимо, припомнив кое-что из боевых навыков, попытался лягнуть сопровождающих. Ретивого утомили в пару плевков. Королек видел, как из-за портьеры вынырнул вечно жующий мятную резину Схим и с ловкостью жонглера провернул в воздухе связкой нунчаку. Получив точечный удар по затылку, бычок охнул и обмяк.

– Не убил хоть?

– Живой, отвечаю, – Схим извлек изо рта жвачку, буднично прилепил к притолке. Поймав глазами встревоженное лицо Королька, кивнул в сторону зала. – Зайди, Бархан кличет.

Кличет, так кличет. На негнущихся ногах Королек прошел мимо телохранителя, откинул портьеру. Не сразу отыскал среди собравшихся того, кто его звал, хотя босс, как и положено, сидел во главе стола. Подчиняясь взмаху руки, Королек шагом неуверенной дворняги приблизился к пирующим. В лица сидящих он старался не смотреть – не те, как говорится, персонажи, чтобы задерживать в памяти. Меньше знаешь, легче дышишь. Глаза сами собой скользили по столу, мимо тарелок и волосатых татуированных рук, мимо пальцев-сосисок, униженных золотыми печатками.

– Слушаю, босс!

Нездоровые, с желтизной глаза глянули в упор и жестко, точно вбили пару гвоздей.

– Возьми Пира с Сохатым и дуй на рынок к Лазо. Скажешь, пусть в темпике загрузит с пяток ящиков горючки.

– Что брать? Вино или водку?

– Мы здесь думать собрались, а не нажираться. Так что никакой водки. А что грузить, Лазо знает. Те самые флаконы, что он возит спецрейсами из Венгрии. Я к нему как-то заходил, пробовал.

Королек стоял, соображая.

– Ну? Что-то еще не понятно?

Не слишком решительно Королек кивнул.

– Да нет, вроде все ясно.

– Тогда пошел!

Королек засеменял от стола, чувствуя, как звенит в коленях спадающее напряжение. Никого и ничего он так не боялся, как атмосферы на таких вот сборищах. Потому что именно здесь он начинал особенно остро чувствовать, что такое его уровень и уровень приезжающих к боссу гостей. Львы и волки собирались на толковище, им же прислуживал юркий хомячок. Проще простого любая лапа и любая пасть могли оборвать жизнь крохотного зверька, а посему место свое Королек знал отлично, как знал и правило: без нужды не высывайся.

Совсем иначе повел он себя в смежном зале, где потягивала пиво братия рангом пожиже. Здесь отдыхали водилы и сопровождающая гостей охрана.

– Пир, где Сохатый! – рявкнул Королек.

От тарелки с пловом оторвался коренастый парень. Покрутив головой, пробормотал:

– Вроде тут где-то был...

– Здесь я, здесь, – из-за столика у колонны поднялся здоровенный детина. Ручищи до колен, бритая, шишковатая маковка чуток не достает до люстры. И впрямь сохатый.

– Что там стряслось?

– Босс поручение дал. Персональное!.. Короче, ноги в руки и на выход!

Уже на улице они встали посреди тротуара, заставляя редких прохожих огибать их стороной. Видок у парней был еще тот. Никому и в голову не приходило делать им замечание.

– Чего надо-то?

– К Лазо нужно съездить, – степенно объяснил Королек. – Народ еще долго заседать будет, так что смазка требуется.

– Типа, пойло?

– Ну, да. Из венгерской партии. Не то коньяк, не то вино какое-то. Помните, Кудлатый с Варо нахваливали? Вот того самого и надо взять.

– А бабки?

– Что, бабки?

– Бабки тебе дали?

– Бабок нет, но мы скажем, что от Бархана.

– Ему-то какая разница, от кого! Он сам не ниже Бархана. А в последнее время они вообще в контрах. Так что пошлет нас подальше – и аллес!

– А что! Очень даже просто, Лазо – хобот еще тот. Еще и под чуреками ходит. Короче, я так врубаюсь, без бабок нам ничего не дадут.

Королек почесал в затылке. Резон в словах Сохатого безусловно имелся. Заданием их нагрузили, а вот как выполнять не объяснили. Бархану, разумеется, плевать на нюансы, но выкручиваться-то придется им! Короче, полная труба, с какой стороны не смотри.

– Может, в Лефортово заглянем? Там тоже чернил хватает.

– Умный, да? Вот именно – чернил! У Лазо – фирма! И вкус, и цвет! Бархан враз прочухает. И даст потом по мозгам.

– Тогда, может, вернешься и попросишь капустки? – усмешливо предложил Пир. – Мы с Сохатым подождем.

Узенький лоб Королька сжался сердитой гармошкой. Сверкнув глазами, он с трудом подавил в себе желание дать приятелю по губам.

– Делаем так, – процедил он. – Едем к Лазо, объясняем ситуацию. Мол, собрание, и все такое. Не даст в долг, скоренько раздобудем денег.

– Где? В банк с автоматом забежим?

– В банк? – Королек вдруг ощутил, как в груди разгорается знакомое черное пламя. Был у него заветный планчик. Давным-давно собирался проверить. Духа только не хватало, да и партнеров никак не мог подобрать. А теперь все само собой складывалось. И партнеры объявились, и прикид. А пять ящиков... Пять ящиков – только повод. В хомячках Королек засиживаться не собирался. Путь в волчью шеренгу следовало прогрызть зубами.

Девчушка переложила нагруженную авоську из правой руки в левую, и груз немедленно скособошил ее на другую сторону. Впрочем, вышагивала она сандаликами по асфальту довольно бодро. Улица для детей – сто одно приключение. Уже через минуту крохотулька пристроилась рядом с длинноногой дамой. Спутница была просто блеск! Короткая юбка, сверкающая блузка, на белой груди янтарный медальон. Черные с серебристыми крапинками чулки, красивые волны мускулов, прокатывающихся в такт движению. Девочка покосилась на свои коленки-шарниры, снова перевела взор на великолепные ноги соседки. «У меня будут такие же! – решила она. – И каблуки, и туфельки, и такая же бархатная юбочка...»

Обгоняя забавную пару, мимо проследовал неопрятный мужичонка. Маленький, с пустым рукавом, весь какой-то помятый, явно из разряда нищих. Симпатичный брюнет возле лоснящейся, похожей на большого таракана автомобиля брезгливо посторонился, пропуская однорукого. Лениво ковыряясь в пакете с крекерами, скользнул глазками по спутнице дев-

чушки. Взгляд его откровенно затуманился, сам собой съехал к ногам шагающей примадонны. Девочка завистливо вздохнула. Неотразимую мощь красоты она наблюдала не в первый раз. «Вот на этом черненьком я, пожалуй, могла бы жениться! – рассудила она. – Он бы за меня вышел замуж, потому что он мужчина, а я бы на нем женилась. Когда будут красивые ноги и бархатные юбочка, найду такого, соблазню и женюсь.» Мысль эта ее порадовала. Она еще не знала, что подобные мысли зовутся мечтой, а мечты сбываются крайне редко... Девочка еще оживленнее завертела головой, примериваясь к будущим женихам. «Этот тоже ничего и этот, кажется... А на одноруком ни за что не женюсь! На том большом и страшненьком тоже. Однорукий хоть маленький, а этот вон какой – запросто прибьет! И глаза какого-то металлического оттенка, а одет еще хуже, чем однорукий. Мама таких называет бомжами. Она говорит, что они только пьют, пожары устраивают и хулиганят. А какой из хулигана муж?..»

Между тем нищий задержался у лотка с хот-догами, купив сосиску с булочкой, жадно стал жевать. В несколько секунд проглотив дешевый бутерброд, обтер единственную ладонь о подол изжульканного пиджака, двинулся в сторону ближайшего входа в метро. Мужчина, поименованный маленькой школьницей, как «большой и страшненький бомж», неспешно двигался следом. В то время, как нищий управлялся с хот-догом, кадык на шее мужчины непроизвольно дернулся. Он не ел ничего со вчерашнего вечера. Да и последняя его трапеза была более чем сомнительного качества... Задержавшись возле брюнета, копающегося в крекерах, бомж остановился. Глазами впился в пакет с печеньем.

– Чего тебе?

– Твоя машина? – бомж кивнул на лакового «таракана».

– Ну...

Стремительного взлета сильной руки не заметил никто из прохожих. Ребро ладони совсем неэффектно рубануло по шее брюнета, а в следующий момент бомжеватого вида мужчина уже подхватывал под мышки падающего владельца иномарки.

– Что ж ты такой слабенький, а? – пакет с крекерами, вырванный из ослабевших рук, переместился в карман грязной куртки. Бомж осторожно усадил парня на асфальт. А рядом уже останавливались прохожие.

– Что это с ним?

– Да вот... Солнечный удар, наверное... – не глядя на спрашивающих, бомж шагнул в сторону от парня, тут же затерялся в толпе. Впрочем, теряться он не собирался. Вместе с людским потоком похититель крекера вплыл в зев метро, энергично кромсая челюстями хрусткое печенье, добрался до душного земного горла. Многолюдье бомжа устраивало. Ни денег, ни жетонов, а тем паче месячных пропусков у него не водилось. Не долго думая, бомж присоседился к увешенному китайскими сумками торгашу и уже у самых портиков с фотоэлементами вплотную прижался к сумкам впереди идущего. Попутно изобразил пальцами нечто загадочное возле монетоприемника. Трюк пустяковый – для школьников и детсадовцев, но срабатывал безотказно. Поднажав корпусом, бомж почти вытолкнул торгаша наружу. Эпизод прошел гладко, потому как методика была отработана еще в давние студенческие годы, когда шальная молодежь шлепала сквозь метрошные электронные врата пингвиньей нескончаемой колонной. Вот и сейчас они сошли за единое целое. Обладатель сумок недоуменно повернул голову. Бомж хмыкнул.

– Извини, браток, поскользнулся.

«Братка» передернуло. Готовая слететь с языка резкость, умерла, не родившись, потому что удалось разглядеть глаза незнакомца. Холодные серые камушки. Отнюдь не пустые, и энергия, что тлела в глубине этих глаз, показалась настолько чужой и пугающей, что торгаш селезенкой почувствовал: связываться с типом нельзя.

Впрочем, подробно незнакомца ему рассмотреть не удалось. Обогнав торгаша, бомж уже плыл по эскалатору вниз, туда, где маячила фигурка однорукого. Лестницу он успел одолеть, синий его пиджак уже мелькал среди толпящихся на платформе людей.

По счастью, нищий не слишком спешил. Рабочий день однорукого принадлежал к категории ненормированных. Чуть поднажав, бомж скатился по ступеням вниз, уже на перроне, отпыхиваясь, прислонился к массивной мраморной колонне. Дожевывая крекер, чуть передвинулся. Он старался держать объект наблюдения в поле зрения, однако не слишком при этом высовывался под свет ламп. Ментов в столице скопилось, как войск в оккупированном городе. Да и вооружены они были соответствующе. Научно-техническая революция в среде криминала дотянулась и до них. Блюстители правопорядка тоже умели эволюционировать. Если лет десять назад распоясавшемуся баклану могли погрозить лишь кулаком, то уже через пяток лет непокорных граждан всю охаживали шлангоподобными дубинками. Последнее десятилетие двадцатого века принесло милиции массу занимательных новшеств, как то – восьмизарядный, упакованный в кобуру «Макаров», чехол с запасной обоймой, наручники и мини-атюрную рацию. Более того, сплошь и рядом у блюстителей правопорядка свисали с груди черненые «АК-74» и «АК-74У» калибра 5,45. Машинки вполне мощные – без глушителя, зато с воронкой пламегасителя. Такое обилие автоматического оружия бомж наблюдал, пожалуй, только в горячих точках, да еще во Франции во время проведения футбольного чемпионата. Правда, во Франции нищие встречались раз в цать реже. Хотя тоже попадались – куда ж им деться? И не ароматнее наших были, и также гадили где попало. Но главный плюс нищих французов заключался в том, что они не попрошайничали. Дрыхли себе мирно на бровках тротуара и на решетках подземки, бормотали под нос тарабарщину, цедили из горлышка дешевое вино. Если речь заходила о деньгах, то всегда предлагалось что-то взамен. Кто-то из них играл на аккордеоне или скрипке, кто-то пел или насвистывал. Российская столица за несколько бурных лет успела превратиться в настоящую Мекку для попрошаек. Как рок и наказание за содеянное, как упрек в благополучии, беженцы стекались сюда с окраин всего бывшего СССР. Страна напоминала зажженную по краям бумагу. Пламя съедало ее, неуклонно обугливало, беженцы были той первой желтизной, предвещающей скорое возгорание. Бомж жил в Москве всего второй день, но уже вдоволь насмотрелся на армию нищих – настолько вдоволь, что успел привыкнуть.

Грохоча на стыках, резво подбежала электричка. Нищий в синем пиджаке пригладил на головке-тыковке сальные волосы и уверенно зашел в вагон. Мужчина-бомж юркнул следом.

Скучноватый фильм закрутился по наезженной колее. Все повторялось с неизменной точностью. Однорукий попрошайка заунывно просил добрых граждан-товарищей помочь кто чем может. С ладонью-лодочкой медленно продвигался по проходу. Лицо печально-слезливое, шаги болезненно неуверенные. «Добрые граждане» не слишком энергично, но все-таки принимались шарить по карманам. Наблюдая за нищим, бомж вел свои нехитрые подсчеты.

В среднем получалось, что из вагонного народонаселения раскошеливались, как правило, три-четыре человека. Давали, разумеется, мелочь – монетки по десять и пятьдесят копеек, реже рубли и пятирублевки. Нищий покидал вагон, тут же переходил в следующий. С вагона в среднем – от трех до пяти рублей, с поезда – около полтинника. На все про все «синий пиджак» тратил минут двадцать-тридцать. В час это, стало быть, в пределах столтника, полный рабочий день мог принести нищему заработок в неполную тысячу. Стало быть, от десяти до тридцати тысяч в месяц. Это если, разумеется, не лениться. Ну, а нищих в этих московских катакомбах – как комаров и мух. Территории естественно поделены, и наверняка некто организует всю эту шуштуру, корректирует кадры, подбирая более талантливых и достойных, огребая свой негосударственный пай. Пай, видимо, вполне приличный. Курируй с десятков подобных нищebroдов, и можешь безвыездно жить хоть на Канарах, хоть в легендарном Рио де Жанейро. А есть

еще уличные попрошайки, обтрепыши, что разгуливают в пригородных поездах. Тут надо быть идиотом, чтобы не попытаться завладеть таким рынком. И конечно же, кто-то владеет...

Впрочем, нищий в синем пиджаке особым рвением к труду не отличался. Обойдя с пяток электричек, он снова двинул на улицу. То ли возжелал хлебнуть пивка, то ли потянуло позагорать на солнышке. Бомж взглянул на электронные метрошные часы и рассудил, что минута пробила. Этак за чертовым пиджачком можно было и до ночи бегать. Тем более, что нищий не являлся его главной целью. Бомж крайне нуждался в финансах, потому и вынужден был отвлекаться на столь презренную халтуру. Скомкав целлофановый пакет, он швырнул его во встречную урну. Желудок управился с крекером в момент, в животе снова неприятно посасывало.

Глава 2

Худшие опасения Королька сбылись. Лазо, разумеется, уважал Бархана, Лазо понимал, что авторитетные люди любят хорошее вино и хороший коньяк, однако давать товар бесплатно отказался. Страх в его голосе Королек не уловил, а потому не решился настаивать. Не было рядом с ним ни Схима, ни Сохатого, а потому, похлопав себя по карманам, курьер Бархана криво улыбнулся.

– Ща достанем. Какие проблемы.

– Вот тогда и приходи, дарагой! Самое лучшее вино отберу. Пробочка к пробочке! Сам панимаишь, кругом сплошные рыночные отношения...

– Сука! – выругался Королек, выйдя от Лазо на улицу.

– Отказал? – из старенькой «Тойоты» высунул шишковатую голову Сохатый.

– Ну...

– Что делать будем?

Королек взглянул на часы. С момента, как им дали поручение, прошло уже более пятнадцати минут. Не столь уж много, однако время штука текучая, и минутка лепится к минутке, как пузыри в сточной канаве. Если через час они не привезут Бархану пять обещанных ящиков, босс о них просто ноги вытрет. Ему это проще простого. Или пригласит Схима поупражняться.

– Может, скинемся? – предложил более осторожный Пир. – Сколько там нужно? В смысле, за пять ящиков?

Королек едко объяснил:

– А ты сам посчитай. Для начала двадцать умножь на пять, так? А далее – еще на триста пятьдесят.

– Чего? Триста пятьдесят – один флакон?! – изумился Пир. – Да ты гонишь, в натуре!

– Это ж не водяра, шмурик! Коллекционное вино. Лазо его спецрейсами из Венгрии заказывает. У Бархана, сам знаешь, вкус.

– Да уж, губа не дура. Только нас-то зачем подставлять! У него с Лазо контры, а мы, значит, в роли крайних?

– Контры там или не контры, а Бархан сказал, надо выполнять. Вопрос прост, как репа: где надыбать три с половиной куска?

– У меня реально по полям, – доложил Сохатый. – Сам всем должен.

– Ммм... А я, наверное, мог бы наскрести рупчиков триста-четырееста. То есть, если вот так сходу. Только кто мне потом отдаст?

– Ладно! Тогда... Раз нет предложений, будем брать кассу. – Сипло вывел Королек.

– Какую кассу?

– Есть тут одна точка. Не слишком богатая, но нам хватит.

– Ты что, с катушек съехал?

– Нормально, – успокоил Королек. – Место присмотренное, все схвачено. Перекресток тихий, внутри никаких «секьюрити», две тетки в окошечках – и все.

– Ага! А у теток под пятками педали.

– Мы так сделаем, что они и нажать не успеют.

– Это как же?

– А так. Там дверца с локшовым замочком. Для октябрят. Я его давно уж присмотрел. В пять секунд можно открыть. Они и заметить ничего не успеют. Только нужно троих. Один выход блокирует, другой деньги гребет, третий бабешек под прицелом держит.

– Под каким прицелом? У тебя что, пушка есть?

– Перышка хватит. Кстати, бабы ножа даже больше пугаются. Я в журнале каком-то вычитал... Короче, хватаем, сколько там есть, и сматываемся. На все про все – минут десять. Хрен нас кто засечет.

– Не скажи... Опера сейчас быстро приезжают.

– Во-первых, на педали с кнопками мы давить не дадим, а во-вторых, если все быстро провернуть, то пусть приезжают. Мы уже далеко будем, ясно? Ловят тех, кто телится. Номерок на это время скрутим, понятно. Так что никто ничего не разглядит.

– Мда... – Пир нахмурился. – Но все, что сверх суммы, – наше, так?

– Ясное дело, наше!

– Тогда ништяк! – оценил Сохатый. – Я бы с долгами рассчитался, магнитола нормальную купил.

– А я бы плеер для сидюшек!

– Вот и хорошо! Действуем! – Королек кивнул на машину. – В тачку и вперед. Я покажу дорогу.

Из метро нищий вышел на Красной Пресне, не слишком торопливо спустился к зоопарку, повернул направо. Дорога ему была, судя по всему, знакома, он не оглядывался и не озирался. В наполненном мясными запахами павильоне снова купил какой-то импортный бутерброд, упаковав в бумагу, спрятал в карман. Минут через десять он зашел в обменный пункт, надолго задержался. Разменивал, должно быть, грязную мелочевку на достойные купюры. Бомж, отдыхая, опустил на корточки. В животе вновь требовательно урчало. Глядя на невысокое крылечко обменного пункта, он лихорадочно взвешивал свои шансы. Теоретически можно было поводить нищего еще немного, но затянувшееся филерство явно не шло ему впрок. Во-первых, бомж попросту подустал, во-вторых, основательно стер правую пятку. Носки у него были совсем худые, дыра на дыре, – к вечеру он мог совсем обезножить. Это главным образом и подталкивало к скорейшему финалу. Итоговую черту под многотрудной деятельностью «синего пиджака» следовало провести в ближайшие четверть часа.

Стремительно вынырнув из-за угла, к «обменнику» подкатила иномарка. Не дождавшись хлопанья дверей, бомж чуть скосил глаза. В кабине не самой свеженькой, лишенной номера «Тойоты» торчало трое бритоголовых. Все трое были заметно напряжены. То, что они столь резво подъехали, но отчего-то не выскочили, встревожило сидящего на корточках. Может, в этом самом месте и происходит передача заработанных средств? Однорукий меняет капусту, выходит и сдает «крыше». Если так, то плакала его сегодняшняя охота. Сгорала синим пламенем без огня и без спичек...

Нервно, бомж даже чуть привстал. Мелькнула мысль заскочить в обменный пункт, тряхнуть однорукого, прежде чем тот покажется на улице. Он подавил в себе шальное желание, но внимание к пассажирам иномарки удвоил. Негромко скрежетнул металл, один из бритоголовых все-таки выбрался наружу. Миновав бомжа, приблизился к крылечку. Огромный детина, наверняка за метр девяносто, руки, как у гориллы. Не поднимаясь по ступеням, бритоголовый протянул одну из своих длиннющих конечностей, приоткрыл дверь в «обменник». Оглянувшись на машину, сдержанно кивнул, мельком скользнул взглядом по скрюченной фигуре бомжа, однако интереса не проявил. Несколько шагов, и детина вновь вернулся к «Тойоте».

Бомж циркнул слюной, скорчил злую гримасу. Все было яснее ясного. Трое бритых ждали однорукого. А раз так, значит, денюжки его и впрямь плакали! Горючими обильными слезками. Рыбак прикармливал место, весь день вываживал осторожного леща, и вот результат! Жирную рыбину ловкими ручонками выуживал конкурент, подбежавший к омуту с нелепым сачком. Нечестно, несправедливо, но такова жизнь!..

Насвистывая, на крыльцо вышел нищий. Не обращая внимания на «Тойоту», на громилу, топчущегося рядом, проследовал вниз по улице. Странно, но никто не остановил его, никто не окликнул. Бомж удивленно повел бровью. Нищий троючку не интересовал, в этом не приходилось сомневаться. В принципе можно было с чистой совестью отваливать, но что-то здесь затевалось – что-то крайне интересное, и уходить откровенно расхотелось.

Разрешая его колебания, из машины выбрались приятели великана, все вместе решительно двинулись к крыльцу. Бомж искоса глянул в сторону спускающегося по улице однорукого, прикусил губу.

Бритоголовые тем временем скрылись за обитой железом дверью. Бомж напряг слух. Пауза... Вскрик. Или это ему только почудилось?... Он медленно выпрямился, пытливо посмотрел на машину, точно та могла подсказать ему правильное решение. Номер и впрямь снят. Спрашивается, зачем добропорядочным гражданам разъезжать на машине без номера?... Нет, тут определенно пахло жареным. В который раз жизнь норовила сыграть по собственным правилам, расставить все по местам без его участия.

Он еще пытался взвешивать все «за» и «против», но ноги уже вели к ступеням. Чертова судьба! То ли ты живешь, то ли некто ЖИВЕТ в тебя...

Рывок на себя дверной ручки, чужой недоуменный вопль. Парень, что держал дверь изнутри, вторжения явно не ожидал. Его качнуло навстречу входящему, и бомж жестко принял его на колено, переломив пополам, заставив задушено хрюкнуть. Впрочем, это было только прелюдией. Тыльной стороной ладони бомж снизу вверх мазнул бритоголовика по ноздрям. Прием болезненный и жестокий. Ударив, успел резко вильнуть в сторону, уклоняясь от плеснувшей из сломанного носа крови. Здоровенный детина, тот самый, что приближался к обменному пункту раньше, испуганно вскинул на него глаза. Бронированная дверь, ведущая в кассы, была открыта, своим дородным телом детина загораживал весь проход. Бомж так и не понял, что собирался сделать детина, да в общем его это и не слишком интересовало. Огромный кулак кувалдой полетел навстречу, но тем самым только упростил задачу. Бомж поймал кулачище на лету, рванул, добавляя скорости. Великан не устоял, потянувшись следом за своей ручищей. Качнувшись в сторону, бомж с силой крутанул чужую кисть, заставив разжаться, выворачивая из суставов пальцы. Взвывший детина упал на колени. Все произошло, должно быть, в одну секунду. Не останавливаясь, бомж без замаха рубанул ребром ладони чуть ниже затылка детины. Великан-великанище с хрипом рухнул на пол. Проход был свободен.

С сумкой, набитой деньгами в одной руке, с финкой в другой, перед ним стоял третий бандит. Бомж улыбнулся. Шагнул вперед, руками зафинтил перед носом противника. Еще пара провоцирующих пасов, и нож полукругом рассек пространство перед животом охотника. Вполне ожидаемо, хотя и слишком резко, чтобы ухватить. Зато и вывод наивернейший: противник, делающий столь порывистые выпады, мало на что способен. Слишком уж боится. А потому бомж плавно развел руки, словно рвал невидимые путы, заворачивающе изогнул левую кистью, изображая неведомого зверя. Кончик лезвия, словно стрелка компаса, качнулся вслед за танцующей рукой, туда же метнулись глазки любителя банковских купюр. А потому правой руки, змеей метнувшейся прямым к челюсти, грабитель не заметил. Клацнули зубы, лопатками и всей спиной мужчина впечатался в стену. Однако и этого бомжу показалось мало. Выбив нож из ослабшей руки, он буднично и просто провернул зажатые пальцы противника, выпустив только после отчетливого хруста. Всего и делов! Куда проще, чем слоняться битый день за одноруким попрошайкой. Теперь только нагнуться и поднять сумочку...

Увы, выполняя это несложное движение, бомж неожиданно разглядел ближайшую к нему кассиршу. Телка лет девятнадцати, очень даже ничего, на щеках пара темных дорожек от подтаявшей туши, в глазах смесь ужаса и надежды. Он точно налетел на незримую стену. Неведомая рука зачерпнула в ковш ледяной воды, отрезвляюще плеснула в лицо. Глаза, как у этой дамочки, он уже, к сожалению, видел и не раз. На развалинах и под бомбами, в землянках среди

горных кряжей, в том же обращенном в руины Косове... Бомж поморщился. Хуже нет, чем сталкиваться на войне и в беде с женщинами. Кассиршу, что сидела чуть дальше, он и разглядывать не стал. Настроение было враз испорчено. Он уже понял, что не сумеет взять этих денег. Просто не сумеет и все!.. Бомж неторопливо выпрямился, неловко швырнул сумку с деньгами на круглые колени девушки.

– Я вас выручил, так?

Молоденькая кассирша часто закивала.

– Вот и вы меня не сдавайте. Не было меня тут, лады? Мент залетный забежал и надавал им кренделей...

Очухавшись, мимо бомжа протиснулся искалеченный грабитель. Двое его приятелей тоже возились у порога. Бомж и не пытался их удерживать.

– Все, девоньки, пока! – носком ботинка он пододвинул им валяющийся на полу нож. – А это вам. Как говорится, на добрую память...

Пассажиры уносящейся от банка «Тойоты» его больше не интересовали. Жутко ругаясь и костеря весь белый свет, он бежал вниз по улице, на перекрестках задерживаясь и суматошно оглядываясь. Синий пиджак, мелькнувший между тополиных стволов, вновь привел его в чувство. Успокаивая дыхание, бомж перешел на шаг. Добыча была рядом, и теперь сам дьявол не сумел бы вырвать ее из рук охотника. Поиграли – и будет! Хватит с него благородства! Когда не за горами голодный обморок, сойдет и подобная форма заработка!

В одной из арок, стараясь ступать по возможности бесшумно, он нагнал попрошайку, двумя пальцами точно клещами стиснул сзади за шею.

– Притормози, убогий!

– За что, парни, я ж ничего такого!..

– К стене, рокфеллер ты мой золотой! К стеночке!

Рывком прислонив нищего к кирпичной стене, бомж с удивлением заметил, как поползла рука нищего вверх, а ноги заегозили, разъезжаясь катетами правильного треугольника. Определенно сказывался тренаж столичной милиции.

– Опусти руку, дурила! – шепнул он. – И ноги поставь нормально. Где бабки?

– Я же вам и нес, чего вы? В правом нагрудном...

Стреляя глазами по сторонам, бомж проворно обшарил нищего. В правом нагрудном лежала тоненькая пачка, в левом еще одна чуть потолще. Стало быть, уже поделил. Себе на мороженое и доброму дяде налог. Грамотный Паниковский!.. Брови бомжа удивленно скакнули.

– А это что? Ну-ка, ну-ка!.. Да ты никак двурукий?

Под тонкой тканью рубахи определенно прощупывалась вторая длань. Потому и пиджак напялил в такую жару. Хитроман хренов!.. Бомж ладонью пристукнул по затылку попрошайки, отчего лоб последнего боднул стену.

– Кому нес бабки, жаба? Имя, адрес, приметы!

Нищий молчал. Должно быть в немой его головенке тоже прокручивались какие-то шестеренки. Что-то он мысленно пытался прикинуть.

– Не слышу!

– Они тебя найдут. Гадом буду, найдут.

– Ля-ля про тополя не надо! Кто тебя греет? Либо говоришь, либо ломаю шейку. Я это умею, поверь... – Пальцы бомжа стиснули плечико нищего стальными клещами. Тот тоненько взвыл.

– Тише, красавец! А то огорчу.

- Я ж ничего такого!..
- Короче! Я тебя внимательно слушаю.
- Менты. Я под ними работаю.
- Ты только валенком не прикидывайся! Лады?

– Да нет же! Я правду говорю! В подземке свои начальники, свои отделения. Кто ж нас пускать-то стал бы, сам посуди! Они, само собой, еще кому-нибудь отстегивают. Тем, кто повыше.

Бомж нахмурился. Объяснение действительно смахивало на правду. Печальнее всего, что об этом он как-то не подумал. Конечно, менты! Какие, к хренам, бандиты! На пригородных и на улицах – там, может, и впрямь вассалы уркаганов, а в подземке ментам легче держать верх.

– Каждый день делишься?

– Почему каждый? У меня пятидневка. Что я, не человек, что ли?

– Конечно, нет. Ты тля человеческая. Гельминт. Знаешь такое слово? – заметив, что нищий пытается обернуться, бомж шикнул: – Стоять! Меньше видишь, легче дышишь.

– Так я что ж... Я понимаю.

– Вот и понимай, коли жить хочешь. – Бомж лихорадочно обдумывал ситуацию. В принципе милиция его не слишком пугала, но менты это иной риск, иная возня. И выйдет потом такая премия боком. Болезненным и ошпаренным...

Осмотрев взятые у попрошайки пачки, он качнул головой.

– Хорошо зарабатываешь. Еще и пяти нет, а ты уже на ресторан нагреб.

– Когда как получается...

– Ладно, не прибедряйся. – Бомж прищурился. – А хочешь, сделаю тебя и впрямь калеккой? По крайней мере народ обманывать не придется.

– За что это?

– А это уж ты сам потом рассудишь. Безгрешных людей не бывает.

«Однорукий» сжался, истончавшим от страха голосом проблеял:

– Что я тебе такого сделал? Кого я трогаю-то?

Бомж поморщился. Нищий скулил совершенно по-детски, только вот беда: на ребенка он никак не походил. Обтрепыш, каких сотни и сотни тысяч, беспризорный турист – из тех, что всю свою жизнь сплавляются вниз по течению хмельной реки. Все равно как неповоротливые и безучастные ко всему бревна. И участь его заранее предreshена. Как то же бревно, когда-нибудь окончательно отяжелеет от речного алкоголя, осядет на дно, чтобы сгнить и превратиться в ничто.

– Ладно, делаем так: сейчас ты отлипаешь от стенки и шлепаешь вперед, не оглядываясь. Сразу за аркой поворачиваешь налево и дуешь рысцой до первого перекрестка. Я за тобой пригляжу, в случае чего и пукнуть не успеешь. Все понял?

Головенка «однорукого» согласно затряслась. Бомж отступил в сторону.

– Вали, счастливчик!

Нищий неуверенно потер лоб, заторможенным шагом двинулся в сторону двора. Не спуская с него глаз, бомж попятился. Впрочем, ожидать какого-либо сюрприза от метрошного попрошайки не приходилось. Нищий, как и было сказано, оглядываться не рискнул, вышел на улицу, свернул налево. Повторяя его маневр, бомж повернул направо. Пути их окончательно разошлись.

Глава 3

Из-за вырубок ближе чем на полтора километра подойти к объекту не получалось. Впрочем, снайпера это не пугало. Винтовка, которой его снабдили, покрывала дистанцию вдвое большую. Это он успел проверить на полигоне, пристреливая невиданное ружьецо. Инструмент и впрямь был прелюбопытный. Нечто среднее между «Мадсен-Люнгман» и снайперским образцом «Браунинга» модели «Сайкс» – только калибр значительно покрупнее и ствол, как у старинной пищали. Но самое интересное – патроны, непривычно тяжелые, вытянутые – на пару сантиметров длиннее, чем у подводного АПС, любимого оружия морских диверсантов. Да и класс обработки пули – явно из особых. Таких патронов стрелок еще не встречал. Даже пришла в голову мысль, а не урановым ли гостинцем ему предлагали пальнуть по складу? Говорят, объявилось уже и такое новшество. Впрочем, в его случае дело, скорее всего, обошлось обычными зажигательными пулями.

На дерево стрелок залезать не стал. Обзор там, конечно, не в пример лучше, но для подобных дистанций земля – упор более надежный. Даже легкое покачивание сводит на нет любое прицеливание, а на дереве без качки не обойдется. А главное – когда начнется свистопляска, на верхушке не усидеть. Это он прочувствовал на собственной шкуре еще в первое свое боевое крещение. Не для всякого дела удобно обращаться в «кукушку». Когда бьешь по складу с фугасами – проще простого угодить под осколки, да и на землю воздушная волна скovyрнет точно пушинку.

Стараясь не ломать веток, он подобрался по возможности ближе, выбрал взгорок, с которого открывался вид на обвалованную равнину, достав из футляра мощный бинокль, внимательно рассмотрел ряды колючей проволоки, по периметру окружающие складскую территорию, крыши приземистых строений, крашенную в зеленый цвет вышку. Солдатик на вышке шурился на солнце, без стеснения колупал в носу. Наверное, сидел на табурете – очень уж маленького казался росточка. Только плечи с головой и торчали над портиком. Рядовой армии гномиков. Судя по стрижке и физиономии – еще из шнурков. Получает, небось, ежедневно лепехи с саечками от старослужащих, в столовке недоедает, от бесконечных нарядов готов клевать носом собственные колени. То-то у него вид несвежий, вон и свеженькая синева под глазом!..

Стрелок хмыкнул. На днях он видел передачу с каким-то бравым генералом, где заплывший от жира колобок в погонах авторитетно уверял журналистов, что нынешняя армия, конечно, распустилась, но в Афгане у него все было чинно и благородно. Никакой дедовщины, никакого голода, никаких неуставных отношений. Генерал говорил убедительно, чеченскую кампанию критиковал, но не слишком, – хорошо поставленный командный голос без помех записывался на диктофоны, журналисты генералу ласково улыбались. Между тем стрелок сам оттрубил пару лет в Афгане, успел повидать всякое и этому трепливому полководцу недрогнувшей рукой засадил бы меж глаз пулю. Только вот не располагал он подобной возможностью. Великоречивый генерал – далеко, а склад – вот он совсем рядышком. Кирпичные коренастые домишки в каре из спиралей Бруно и сложенного из тесанных досок заборчика. Этакий форт из американского вестерна. Форт, надо признать, не слишком крупный: восемь мелких сарайчиков и два больших. Правда, основные помещения скрывались под землей, но это стрелка уже не волновало. Его задача верно сориентироваться на местности и не промахнуться в нужный момент. Он удовлетворенно прищурился. Выданная накануне карта оказалась исключительно точной. Без особого труда он узнавал то, что видел до сих пор только на бумаге. Сомнений не вызывали даже второстепенные детали. Справа стрелок разглядел дизельную с паутиной проводов, протянувшихся во все стороны, тут же рядом, сложенный из белого кирпича, красовался неказистый солдатский галльон. Слева, поближе к воротам, угадывалось что-то вроде

КП, но черт с ним – с КП, сразу за сарайчиками он высмотрел стайку крытых брезентом автомашин – тех самых, о которых ему помянули пару дней назад.

Стрелок перекатился чуть ниже, сгорбившись, устроился на ссохшейся кочке. Разгладив на колене разлохмаченную по кайме схему, пальцем отсчитал от края четвертый, помеченный крестиком домик, еще раз сверился со сторонами света. В таких делах вернее отмерить не семь, а семьдесят семь раз. Оторвавшись от карты, снова приложился к биноклю. Все правильно. Возле четвертого здания стояла цистерна с топливом – и не только топливом, если верить заказчику. В магазине шесть патронов. Должно хватить без лишней перезарядки.

Свернув карту, стрелок спрятал ее в карман. Уверенным движением расстегнул молнию на спортивной сумке, выложил сверток с тяжелыми деталями, без лишней суеты и все-таки довольно скоро собрал винтовку. Оценивающе взвесил на руках. Весомая однако штучка! Зато и отдача будет не так заметна... Проверив крепеж оптического прицела, он взглянул на часы и снова припал к биноклю.

Из ворот зоны, нещадно пыля, выезжала вереница грузовиков. Стрелок удовлетворенно вздохнул. Пока все шло по расписанию.

Капитан вел себя суетливее обычного, это заметили все. После того как отъехали груженные машины, он почти не скрывал своего состояния. Рыхлое тело его сотрясала крупная дрожь, руки часто и бестолково оглаживали одежду, без нужды касались кирпичных стен. Он выполнил то, о чем его просили, но странно! – мысль о лежащих дома денежных пачках сейчас не согревала. Абсолютно не согревала! Было тепло, даже жарко, но его продолжало трясти. Тянуло под теплое верблюжье одеяло, да еще с грелочкой в ногах, предварительно ткнув пару стопариков перцовочки. Черт его знает, чего он все-таки больше боялся. Будущего ли армейского расследования и того, что должно было вот-вот произойти или такой простой вещи, как отвечать на случайные вопросы подчиненных, выдерживать взгляды всех этих обреченных на смерть солдатиков.

«Может, взять с собой Василия?» – капитан неуверенно посмотрел на своего вестового, с нервной поспешностью отвернулся. Нельзя! Никого нельзя с собой брать. Это тоже было строго обусловлено. Никто ни о чем не знает. Его приезд сюда не зафиксирован нигде. Разве что в журнале дежурного на КП, но журнал сторит вместе со всеми отметками. Другое дело – живой свидетель, лишний язык. Мало ли что сболтнет – и пиши пропало. Найдутся сукины дети, что заинтересуются, начнут разматывать клубочек. И разумеется, размотают. Не такой уж и заковыристый клубок, чтобы не распутать до нужного узелка. Дальше им, конечно, не продвинуться ни на миллиметр – руки короткие, но что толку, если узелком, до которого они дойдут, будет он! И уж дадут по шапке от всей души. Так что головушку расплющит. А скорее всего – не успеют, потому как сработают господа заказчики. Им тоже лишние языки ни к чему.

Капитан взглянул на часы, еще раз сожалеюще подумал, что напрасно не покинул территорию вместе с машинами. Он совсем сомлел. Ноги подламывались в коленях, приходилось прилагать немало усилий, чтобы шагать ровно, не раскачиваясь. Увы, раньше обусловленного времени уезжать было тоже нельзя. Это тоже оговорили особо. Он лично должен был проверить все в последний раз, провести экстренный обход складской территории. Вскоре после отбытия товара, некто должен будет позвонить сюда, не называя себя, произнести условную фразу. И только после того, когда капитан должным образом ответит, ему разрешат ехать с объекта на все четыре стороны. Впрочем, не на все. Куда ехать, он тоже успел обдумать. Друзья-приятели уже распечатывали на базе бутылки самогона, на застеленный скатертью стол выставлялась незамысловатая консервированная закуска. Алиби он себе заготовил неплохое. День рождения подружки, пестрая компания однополчан, каждый из которой любому следователю

с легкой душой подтвердит, что с самого начала капитан гужевал вместе со всеми. Да и самого не пойдет впрок. После таких вещей без разрядки не обойтись.

Проходя мимо цистерны, капитан не без труда заставил себя нагнуться и заглянул под колеса. Сверток находился на месте. До стены склада всего-то полтора метра, а там штабели гаубичных снарядов. Ахнет так, что достанет и до подвалов, и до малого хранилища ГСМ. От одной мысли, какой ад здесь вскипит и разверзнется в ближайшие часы, офицеру стало тошно. И подумалось, что его вот-вот вырвет. Качнувшись, он порывисто зашагал от цистерны. Нет, братцы славяне!.. К чертям уговор! Ходу отсюда! Как можно быстрее!..

Очнулся он только возле проходной, где стоял его «уаз». Платком утер взмокшее лицо. Разбереженные нервы неспешно успокаивались. Слабоват он стал для таких дел. Старость, что ли? И все же надо собраться. Тем более, что без звонка уходить нельзя. Сначала позвонят, потом он ответит, и только тогда...

Отчетливо треснуло за спиной. Вернее ему показалось, что треснуло. Заторможенно, капитан обернулся. Запоздалый гул выстрела долетел со стороны леса.

– Твари! – лицо офицера посерело. – Что же вы делаете? Я же еще тут!..

Чмок!.. Теперь он явственно разглядел искры от нового попадания. На этот раз пуля угодила в нужное место. Жуткая ослепительная вспышка последовала с секундным замедлением.

Если бы не муха, ткнувшаяся ему в лицо, он попал бы с первого выстрела. Но такой пустяк трудно предвидеть. Рука дрогнула, и пуля ушла чуть выше – как раз в стену склада. Кладка там капитальная, так что надеяться, что тяжелая пуля пробьет шесть или семь силикатных кирпичей было глупо. Однако и расстраиваться стрелок не спешил. Второй выстрел получился правильным. Какое-то мгновение все оставалось неизменным, а потом цистерна вздулась от разрывающего ее пламени. Сработал сюрприз, подложенный нужным человечком. За первой вспышкой последовала вторая – более резкая. Стрелок швырнул винтовку в сумку, ринулся с пригорка вниз. Эта операция у него была уже третья по счету. Что разворачивается в подобных случаях дальше, он знал слишком хорошо. Потому и выбирал место для стрельбы с особой тщательностью. Лишние складки рельефа не помешают, а отступать следует по низине, чтобы не достали осколки. И лес, кстати, – тоже неплохо, хотя самое надежное – вжаться в какой-нибудь окопчик поглубже и, не мудрствуя лукаво, отсидеться. Но, увы, временем на такую роскошь он не располагал. Следовало как можно скорее выбраться за черту опасного периметра. В километре отсюда его ждал мотоцикл с напарником. Там же штормовки, удочки и утренней свежести рыба. Бежать было рискованно, но за риск ему и платили.

С некоторым запозданием взрыв все-таки нагнал беглеца. Рвануло так, что он немедленно споткнулся. Кубарем покатился по мху. В спину дохнуло смертельным жаром. Пространство заполнилось грохотом, лес над головой пришел в жутковатое движение. А за спиной продолжало лопаться и ухать. Ураганы воздушных волн чередой накатывали с равнины, засыпая поляны хвоей и шишками, сбивая с деревьев ни в чем не повинные сучья. Искристо пролетел трассирующий снаряд, взорвался где-то правее. Но и от этого одиночного взрыва стрелка шатнуло в сторону. Осколок зацепил рукав, однако в горячке он этого не заметил. Бегом и только бегом! Через рвущееся дыхание, через рокот собственного сердца. Близ ада долго не задерживаются. Потому как чревато. И для здоровья, и для нервишек. Впрочем, что-то, а бегать он умел неплохо. Почва пружинила под ногами, встречную паутину он попросту сметал, наматывая на себя вязкое кружево лесного ткача. В эти минуты он выкладывался на полную катушку.

Напарник возле мотоцикла взволнованно озирался и почему-то отряхивал ладони от земли.

– Ну как? – он заметил наконец подбегающего снайпера.

- Сам слышишь как, – стрелок швырнул сумку в коляску. – Дело сделано, рвем когти!
- Это конечно, – странно двигаясь, напарник зашел ему за спину. – Сейчас тронемся.
- А это еще что за ямина?
- Червей копал. Мы же с тобой вроде как рыбаки...
- Рыбаки?! – снайпер развернулся к приятелю, но только для того чтобы разглядеть зрачок пистолетного ствола.
- Брось валять дурочку!
- Тихо, не ори!
- Ты что делаешь, гад! Мы же напарники!
- Такова жизнь, зема! Уж прости...

Пара выстрелов затерялась среди грохота рвущихся складов. Обшарив убитого, убийца нашел карту, тут же и подпалил от зажигалки. Когда язычки пламени дожевали серую бумагу, подхватил под мышки обмякшее тело снайпера, неловко поволок к вырытой яме. Свалив вниз, торопливо взялся за лопату. «Рыбак» зарывал «рыбака».

Глава 4

Нужного человечка он все же разглядел. Издалека и неясно, но разглядел. По крайней мере короткого мига хватило, чтобы узнать Насарпанова Евгения Лактионовича – того самого, что прибыл на смену погибшему Саше. Бывший комполка заметно обрюзг и растолстел, щеки его обвисли бульдожьими брылями, на носу вызрела вторая бородавка. Наблюдались и иные перемены – в выражении глаз, в манерах. Движения вчерашнего коллеги приобрели несвойственную военным вальяжность, в осанке проступила некая барственность. Должно быть, таким образом Насарпанову легче было перемещать с места на место свое вместительное чрево. Когда бывший комполка забирался в салон темной «Ауди», один из бритоголовых лакеев услужливо поддержал его под локоток. Сын казашки и русского, выросший и воспитанный в России, видимо, все-таки чувствовал генный зов. Потому что даже в нынешнем своем состоянии он походил скорее на раскормленного бая, нежели нового русского.

Бомж пожалел, что у него нет прибора ночного видения. Номера машины он так и не сумел различить, зато хорошо разглядел ребят, выстроившихся полукольцом возле «Ауди». Широченные пиджаки, столь же широченные шаровары. У двоих руки за пазухой, у третьего в ладони крохотная рация. В кильватер «Ауди» готова была пристроиться еще одна иномарка. Вероятно, и на маршруте возможного следования «хозяина» тоже куковали бдительные стражи. Оно и понятно. Очень уж много широкозадых развелось в Москве, для всех коридоров не расчистишь. Впрочем, и та охрана, что окружала Насарпанова, более чем впечатляла. И непонятно было, то ли это и впрямь опасение перед возможными покушениями, то ли держать близ себя эту щелкающую зубами свору обязывало положение... Дождавшись, когда машины тронутся и скроются за углом, бомж судорожно вздохнул, торопливо стал доедать подтаявшее в руке мороженое. Покончив с вафельным стаканчиком, сорвал лист тополя, обтер руки.

В общем и целом он был доволен. Нужный человек оказался в столице, никуда не исчез и, кажется, не собирался исчезать. Значит, и дотянуться до бывшего полковника не такая уж проблема. Было бы во сто крат хуже, если клиент улетел бы к американцам-латынтям, а то и вовсе на какие-нибудь экзотические острова. Но Насарпанов остался здесь, и бомж не сомневался, что рано или поздно им суждено встретиться.

Проехав пару остановок на трамвае, бомж вышел возле незнакомого лесопарка. Выбор был сделан случайно и наугад. Дикая жизнь приучила к мысли, что лес – это все-таки лес. Здесь можно и выспаться, и обустроить логово, и уйти от внезапной погони. Каменные джунгли куда опаснее...

Преждевременный старикан, темнолицый и сизоносый, шажками минера двигался по траве навстречу, сучковатой палкой цеплял случайный хлам, придирчиво осматривал. Искал он, разумеется, не грибы и не мины.

– Здорово, дед! – бомж заступил ему путь.

– Ну? Чего тебе? – старикан поднял голову.

Вытащив отнятые у однорукого деньги, бомж развернул их красочным веером.

– Жильем случайно не выручишь? Хорошо заплачу.

От внимания его не укрылось, с какой жадностью глазки побирушки прикипели к купюрам. Все равно как мухи к липучке. Лишь сделав над собой усилие, старикан перевел взор на бомжа. То, что он разглядел, ему, видимо, не понравилось. Кряжистый здоровенный тип в мятом одеянии и стоптанных ботинках на роль рядового квартиросъемщика явно не тянул. Еще и глаза какие-то не такие... Старикан ощутил холодок в животе, ноги его сами собой повернули в сторону.

– Эй, дед! Ты куда?

- Знаем мы вас! Жилье ему понадобилось...
- Ты чего, дед! Я совсем не страшный.
- Как же нестрашный! Громила такой!.. Еще в дом просится.
- Дурила, я же заплачу! Без всякого обмана. Аванс прямо сейчас могу выдать.
- Сейчас выдашь, потом отнимешь.

– И хрен с тобой! – бомж раздраженно сунул деньги в карман, зашагал по асфальтовой дорожке. Спиной ощутил, что старик смотрит ему вслед. Наверняка жалеет, что не решился взять деньги. А может, у самого жилья нет. Кто их нынче разберет – имущих и неимущих! А есть ведь еще малоимущие! Воистину широка страна родная...

Здесь среди сгрудившихся деревьев стало заметно темнее. Он продолжал шагать наобум. В низине среди кустов неожиданно услышал журчание. Свернув с дорожки, действительно наткнулся на ручей. Чистая или нечистая в нем вода, определить в сумерках было непросто. Бомж окунул в воду пальцы, придирчиво понюхал. Явной вони не наблюдалось. Может, и впрямь ручей. Должны же еще оставаться в природе такие! Или даже река. А что? Сколько водных рукавов Москва поглотила, закатав в бетон и асфальт. Вот и этот ручей, возможно, и не ручей даже, а какая-нибудь упрятанная под землю Неглинная. На подходах к городу уходит вглубь, а здесь на пару минут выныривает – за глотком воздуха, чтобы разок-другой бросить взор на солнышко. Речкам оно тоже необходимо и полезно. Он сполоснул руки, втянув в себя запах, не без удовольствия ощутил рыбы ароматы. Нюанс также обнадеживал, хотя мало о чем говорил. По слухам в подземных водоемах и рыба водилась особенная. Слепая, с черными бельмами вместо глаз, с заживо гниющими жабрами. Хотя, может, и врут, как врут про гигантских пауков, про снующих в подземельях крыс-людоедов. Бомж много чего повидал на своем веку и знал точно, страшнее зверя, чем человек, природа еще не выдумала.

Сковырнув с ног ботинки, он стянул взопревшие носки, с наслаждением пошевелил пальцами. Носки нюхать и изучать не стал, уж они-то точно не благоухали. Но главная проблема – дыры. Пятки горели огнем, чертов попрошайка заставил его сегодня основательно побегать!..

Пожулькав носки в водном потоке, бомж накрепко отжал их, снова натянул на ноги. Предварительно прилепил к растертой коже листы подорожника. Последних, по счастью, кругом произрастало в избытке. С обувкой он поступил хитрее. Нарвав вокруг себя травы, точно вату умял в просторные ботинки. Стало на порядок удобнее. По крайней мере этот вечер можно будет дотянуть и дожить. А завтра, когда откроются магазины, на несправедно добытые деньги он что-нибудь обязательно подберет и купит.

Обувшись, бомж удовлетворенно притопнул каблуками по земле, не выбирая особо направления, повернул влево от ручья. Программы никакой не было, он двигался по интуиции, подчиняясь смутным подсказкам, приходящим неведь откуда. Именно так однажды он выбирался из расстрелянной албанцами деревушки. Как потом выяснилось, шлепал напрямик по минированным местам. Однако Бог миловал...

Уже через несколько минут перед путником вздыбилась щебенчатая насыпь. Ручей, сжимаясь в упругое змеиное тело, нырял в широкую трубу, наверху проходила железная дорога. Он взобрался по насыпи, приостановился, изучая обстановку. Метрах в двухстах железнодорожный путь разветвлялся, справа отчетливо темнели громады вагонов, слева столовой ложкой торчал одинокий светофор, тут и там широкими грибными шляпками красовались распределительные коробки. Бомж взъерошил на голове неровный ежик волос. Стало быть, выбрел на товарную станцию...

Вспомнилось, как когда-то давным-давно таким же образом он возвращался в студенческое общежитие под Тюмень. Шагать приходилось через сеть железнодорожных путей, и именно там он наткнулся на странную троицу. Совершенно расхристанного вида, стриженные, с голыми мускулистыми руками, украшенные вызывающей татуировкой, они, точно три волка, обступили его с трех сторон. Делать было нечего, и осторожным движением он подо-

двинул к себе металлический ржавый штырь. Тот, что стоял прямо перед ним, язвительно улыбнулся, продемонстрировав синеватые фиксы, и с неожиданной официальной попросил документы. Видя, что юнец медлит, зашедший справа, пошарив за пазухой, помахал перед носом ошарашенного студентика малиновым удостоверением. Ребус разрешился. «Железнодорожная милиция» – с облегчением прочел он на корочках и рассмеялся. Вид троих настолько не стыковался с золотым тисненным гербом, что удержаться было попросту невозможно. Страшноватые парни тоже заулыбались. Должно быть, подобный маскарад веселил их самих. Возможно, наряжаясь, они неосознанно воплощали детские свои фантазии, когда каждый второй мечтает стать пиратом и лесным разбойником, грабить купцов и ходить на абордаж. Само собой, его отпустили. Но тогда он был всего-навсего студентом – желторотым, наивным, неиспорченным. Собственно, его внешность была убедительнее студенческого билета. Отпустили бы и так. Сейчас все переменялось, и, приближаясь к веренице вагонов, бомж настороженно зыркал глазами по сторонам, время от времени замирал на месте, прислушиваясь.

Спать в кустах – небольшая радость, а вагон – это все-таки крыша, относительный уют. Бомж был согласен на самый захудалый товарняк, но получилось еще лучше. Среди шеренги дощатых вагонных кирпичиков он вдруг разглядел целый эшелон почтово-багажных громад. Только перевозили здесь явно не почту. Некто хитрющий из железнодорожного ведомства поправлял таким образом финансовые делишки. В окнах тут и там горел свет, парочка крепких парней с фонарями и дубинками работала в качестве контролеров. Понаблюдав с десятков минут, бомж без труда уяснил несложную комбинацию. Отбракованный состав, загнанный в отстойник, продолжал вполне справно исполнять службу. Все было проще простого. Людям продавались билеты определенной цены, и новоявленным пассажирам позволялось ночевать в относительно комфортных условиях. Возможно, состав даже перегоняли время от времени по железнодорожным веткам, дабы не мозолил глаза, не прирастал ржавым клеем к рельсам, и бизнес, не самый золотой, но вполне прибыльный, процветал. О подобных хитростях бомж не раз слышал в Сибири, на Урале и Дальнем Востоке, но, видимо, и столица не желала отставать от периферии.

– Вот и славно! – пробормотал он вполголоса. – Вот и славно!..

Дождавшись, когда скучающие контролеры закурят и отойдут подальше, бомж прокрался к крайнему вагону. Здесь горело меньше всего окон, и, ступив на подножку, он достал из кармана ключ-трояку. Гремучее железо на этот раз повело себя вполне лояльно – отворилось без скрипа и скрежета. Поднявшись по ступеням, он пробрался в тамбур, с той же медлительной осторожностью прикрыл за собой дверь. Мгновение привыкал к сумраку, а когда глаза стали что-то различать, увидел прикорнувшего в двух шагах от себя человека. Мужчина то ли спал, то ли просто коротал время в горделивом одиночестве, но на появление в тамбуре постороннего он никак не отреагировал. Несколько секунд, бомж стоял, размышляя. В конце концов, мысленно плюнув, потянул на себя дверь и вошел в сумрачный вагон. Кое-где горели тусклые ночнички, и шорохом перекачивался людской шепот. Само собой, купейным сервисом народишко не баловали, на ночлег выделяя сугубо плацкартные душегубки. Бомжа, впрочем, устраивал и такой вариант. Вильнув головой от чьих-то выпирающих с полки голых пяток, он не стал удаляться слишком далеко. Ухватившись за поручни, подтянул тело вверх, с кряхтением перевалился на багажную полку. Комфорт, конечно, еще тот, да и душнячок порядочный, а все ж таки лучше, чем кормить мурашей под кустами.

Скрючившись на полке он кое-как стянул с ног ботинки. Вниз посыпалась трава, сиплый голос недовольно буркнул что-то и замолчал. Бомж мысленно прикинул время, которое он мог отвести под сон. Было ясно, что днем эта ночлежка вряд ли функционирует. Часиков в семь, а то и в шесть пассажиров отсюда скорее всего выбрасывают. От греха подальше, от глаз всевидящих налоговых комиссаров. Тем, кому «ехать» дальше, купят билеты повторно, осталь-

ные пусть радуются тому, что спали не сидя и не стоя. В общем минут триста в запасе у него имеется, а чего стоят иной раз триста минут драгоценного отдыха, он знал отлично.

Где-то в передней части вагона приглушенно заиграло радио, женский голосок что-то буркнул пробудившемуся ребенку. Судя по всему, вагон был забит под завязку. Оттого и не рискнул бомж искать свободное место. Лучше уж побыть в качестве багажа. Менее удобно, зато более надежно.

Глава 5

Странно, но зона, унылая и жестокая, сумела перекрыть даже воспоминания о войне. Во всяком случае, во снах она приходила к нему чаще, и ноющая в холодные ночи поясница также напоминала не о минометных обстрелах, не о посвисте пуль, а о резиновых дубинках скучающих надзирателей. Уж эти-то бить умели. Порой даже споры затевали – кого из клиентов сумеют «посадить» на землю с одного удара. Неопытные молотили наотмашь, оставляя жуткие синяки, более меткие попадали по сухожилиям или почкам. Последнее сказывалось потом на протяжении нескольких месяцев. Успел помочиться кровушкой и он. Был случай, когда дерзнул выступить против. И знал ведь, что глупо, бессмысленно, а все равно вскипел. У рыжего молокососа, огревшего его без всякой на то причины, вырвал дубинку и, выкрутив кисть, заставил привстать на цыпочки. Все происходило на плацу, на глазах у доброй сотни зеков. Отпускать пританцовывающего от боли засранца он не спешил, и взглянуть на потеху сбежалась уйма народа. Впрочем, прибежали и те, кому следовало реагировать на подобные инциденты. Все с теми же дубинками охрана метнулась к осужденному, в один миг взяла в плотное кольцо. Окажись на его месте простой смертный, все кончилось бы в считанные секунды. Но бомж, по счастью, кое-что умел, а играть роль тренировочной груши ему не очень-то улыбалось. Тогда-то он и выдал на зоне свой первый сольный «концерт». Вспоминать прошлые навыки даже не пришлось. Тело нырнуло в знакомый режим спурта, руки и ноги сами принялись выделывать жутковатые кренделя, цепляя атакующих за одежду, сшибая телами, заставляя по циркачески перекручиваться в воздухе и шлепаться на землю. Такого здесь, пожалуй, еще не видели. Он не атаковал и не бил, – он только оборонялся. Но оборонялся столь искусно, что атакующие то и дело промахивались, мешая друг дружке, валились на асфальт, коротко завывали от особо болезненных падений. Тем не менее, образумились не сразу – в горячке продолжали на него кидаться, надеясь, что сила коллектива все же одолеет мастерство одиночки. Ничего, однако, не вышло, – он продолжал расшвыривать их, как котят, не позволяя даже приблизиться к себе. А вокруг орала и улюлюкала бритоголовая толпа. Можно было не сомневаться, что зона болела за мрачноватого бомжа.

Закончилось все тем, что в небо грохочуще ударила автоматная очередь. Только тогда он и остановился. Демонстративно поднял руки, шагнул назад. Пожалуй, не будь на плацу такого количества свидетелей, разъяренная вохра положила бы его на месте. Но ни метелить, ни кончать его охранники не посмели. Там же, на плацу, робко приблизившись, сковали кисти наручниками, после чего препроводили в карцер. Позднее, впрочем, позор на плацу припоминали при всяком удобном моменте. Лишали пайки, на работах требовали двойной нормы, дергали по любому поводу к куму на разговор. Словом, жизнь веселее не стала, и единственным приобретением после всего случившегося было уважение сотоварищей. Черная зона – не красная, и до схватки с вертухаями корешиться с ним особо не спешили. Но именно после этой на шумевшей драки, когда, похудевший и осунувшийся, он вернулся из карцера в барак, к нему подсел Мова, местный председатель блаткомитета. Авторитет без обиняков предложил майору поступать в гладиаторы к братве. Поблагодарив, майор отказался. Особо душевного разговора у них тогда не получилось, и, тем не менее, угодив в разряд жесткой «отрицаловки», бомж выговорил для себя право зваться человеком, а это само по себе многого стоило. Оставаться человеком на зоне позволялось далеко не каждому...

Глаза его уже смыкались, и даже что-то такое воздушное начинало грезиться, когда чужая рука бесперемонно дернула его за ворот.

– Вот он, козлина, куда зарылся!

– Тащи его вниз...

Верно, не стоило трепыхаться, но очень уж грубо ребята взяли за него. Не церемонясь, рывками потянули с багажной полки. Точно куль с картошкой – и не с картошкой даже, а каким-нибудь дешевым углем. В пару секунд хлопающий глазами бомж оказался на полу.

– Пошарь у него! Наверняка с ключом. Дверь ведь как-то открыл!

Та же рука, что хватала его за ворот, сунулась за пазуху.

– Но, но! – бомж едва поймал чужие пальцы на подступах к карману с деньгами. И тут же его гвозданули в челюсть. Без угроз, без предупреждений. Оглушили, надо признать, крепко. В кулачке, что печатью приложился к губам, угадывались и опыт, и знакомство с боксерскими мешками. Веселая карусель, наскоро рассадив гомонящих детей по коняшкам и олешкам, закружилась в голове. И та же знакомая рука уже шебуршилась на груди, норовила заползти под куртку.

– Э-э! Да у него тут капуста! Пачка целая!

За деньги он не слишком опасался, более ценная вещь у него таилась за подкладкой. Но кто сказал, что после денег эти гаврики не доберутся и до нее?

Бомж ударил коленом. Толком даже не разобрал, куда угодил. Может, и не в пах, но парня все равно согнуло крючком. Летящий в лицо кулак бомж на этот раз упредил, качнувшись влево, в свою очередь послал встречный гостинец, попав точнехонько в подмышечную впадину бьющей руки. Удар коварный, в иных случаях даже смертельный. Противник охнул, а бомж, вскинув голову, разглядел третьего, стоящего позади раненного напарника. Босые ноги тоже кое-что могут. Не слишком группируясь, бомж вмазал ступней в грудь шипящего от боли красавца. В узком проходе им было не разминуться, падая, красавец поневоле увлек за собой товарища. А бомж уже держал в руке ключ-тройку. Путь ему перегораживал тот, что шарил у него за пазухой. Он и сейчас еще корчился, держась за живот. Левый локоть бомжа опустился на стриженный затылок. Перепрыгнув через рухнувшего, вбежал в знакомый тамбур. Мельком, огляделся. Пусто, а жаль. Тот прикорнувший возле дверей мужичонка, должно быть, и заложил его. Свой своего – зачем?.. Дверь снова не подвела, послушно распахнулась под рукой. Бомж сиганул вниз, ойкнул, угодив босой пяткой на острый камушек. Ругнул себя, что в горячке забыл о ботинках. Вполне успел бы прихватить. Ну да не возвращаться же! Орлы наверняка уже опомнились. У кого-нибудь найдется кастетик, у кого-то баллончик с аэрозолем. Ну их к черту! Уж тут не до жиру. Как-нибудь перебьемся и без ботинок!..

Он уже почти настроился ночевать на открытом воздухе, как какой-нибудь Тарзан, когда судьба неожиданно ему улыбнулась. Сначала бомж наткнулся на прячущуюся в траве огромную трубу теплоцентрали, а чуть позже разглядел слепленный из картона и фанеры домик. Нечто подобное он тоже видел неоднократно. После того как артиллерия пропахивала городки двухпудовыми снарядами, люди выползали из убежищ, возвращались из лесов, точно муравьи, начинали копошиться на развалинах. Уже через несколько часов всюду лепились подобные минипостройки. Как ни странно, шансов уцелеть у этих лачужек было неизмеримо больше. Ни ракетами, ни из пушек по таким шанхайчикам уже не стреляли. Должно быть, брезговали. В таких же лепных сооружениях дремали иной раз и ребята-дезертиры. Обозленные армейцы даже не заглядывали внутрь, очередями прошивали тонюсенькие стенки и двигались дальше...

Он задрал голову. Где-то в кронах деревьев встревоженно прострекотала сорока. Точь-в-точь – киношный автомат. Может, стрельбу в кинолентах и впрямь озвучивают сорочьим говором?

Бомж подошел ближе, озадаченно шмыгнул носом. Домишка был совсем крохотный. В книжке про Чиполино в таком, помнится, обитал кум Тыква. Голова снаружи, все прочее внутри. Однако выбирать не приходилось. С дворцами не вышло, пушай будут хижины.

Присев на корточки близ хлипкого строения, он на минуту прислушался. Кто-то в хижине негромко посапывал. Все правильно, время позднее, хозяин обязан быть дома. Интересно бы знать, кто он? Такой же брат бомж? Дезертир из московского округа?.. Впрочем, неважно. Кто бы ни был, как-нибудь потеснимся... Нашарив пальцами гвоздь, выполняющий роль ручки, бомж потянул на себя качающуюся дверцу, скрючившись в три погибели, пополз внутрь.

– Стоять, падла!

Что-то острое уперлось ему в спину, в глаза брызнуло электрическим светом. Тем не менее он успел разобрать, что голосок детский.

– Думал, спим, гад? Хрена! – его несильно пнули по задку.

– Руки!.. Руки давай, говорю!

Бомж понял, что от него требуется. Не суетясь, вытянул перед собой руки.

– Что ж, вы так с гостем? Ни чайку тебе, ни кофе...

– Ага! Может, еще клея дать нюхнуть!

Действовали юные разбойники в общем-то грамотно. Во-первых, подловили его в крайне невыгодном положении – на четвереньках, частично уже проникшим внутрь. Во-вторых, фонарь продолжал светить прямо в глаза, из-за чего разглядеть что-либо в помещении не представлялось возможным. А вот кисти ребятки стянули ему крайне неумело. Должно быть, просто не хватило силенок. Качественно обмотать грубую проволоку вокруг мужских запястий, а тем паче стянуть узлом – не так-то просто. Бомж чуть пошевелился, прикинув, что без труда скинет путы. Правда, парнишки руками не ограничились, связали и ноги. Кто-то из хитрецов, видимо, с самого начала караулил снаружи. Черт знает, когда они его заприметили. Возможно, еще на дальних подходах к хижине...

– И чего теперь?

– Чего-чего!.. Пусть ползет обратно.

Связав гостя, ребятки запоздало сообразили, что он так и торчит в проходе.

– А ну, выбирайся!

– Как же я выберусь задом наперед? Я вам не рак. – Бомж усмехнулся. – Взяли в плен, так уж пустите под крышу.

– Хрен тебе, а не крышу!

– Нарушаем, стало быть, Женевскую конвенцию? – не спрашивая разрешения, он залез в домик, вытянулся возле картонной стены, не без удовлетворения ощутив, что лежать мягко. Пол был выслан подсушенной травой, а под головой чувствовалось нечто вроде подушки. Пожалуй, даже удобнее, чем в том плацкартной жестянке.

– Туши свет, – добродушно бросил он. – Завтра на свежую голову поболтаем.

– Чего, чего?!

В домик забралось еще две фигуры. Теперь их было как минимум трое. Трое тинэйджеров против одного взрослого.

– Эй! Чего он тут разлегся? Ты зачем ему разрешил, Косой?

– Ничего я не разрешал, он сам!

– Во дурак-то!..

Бомжа свирепо пнули вбок.

– А ну, выметайся!

– Цыть, сопливый! – бомж чуть повернулся. – На вон, пошарь за пазухой. Плата за ночлег. Плачу щедро. Берите и укладывайтесь спать. Будете вести себя хорошо, может, еще чем помогу.

На минуту они ошарашено замолчали.

– Чего он нам вкручивает? А, Паш? Он че, ночевать здесь будет?

– Сейчас погляжу, будет или не будет, – Паша, очевидно, лидер этой малолетней компании, зашарил руками по груди бомжа.

– Куда светишь? В морду ему свети!

– Да у меня батарейка уже садится.

– Сейчас!.. – тонкие пальцы добрались наконец до пачки с деньгами, извлекли наружу. – Ни хрена себе!

– Ого! Сколько тут?

– Чуть больше двухсот, – подсказал бомж. – Завтра меня накормите и на метро дадите, остальное все ваше.

И снова какое-то время они молчали. С разбойничьим опытом, судя по всему, у них было не густо. Не научились еще добивать и командовать.

– Ладно, стратеги. Я лично сплю, а вы как хотите, – бомж завозился, переворачиваясь набок. Сонно пробормотал: – Храпеть я не храплю, воздух не порчу, так что кемарьте спокойно.

– А ты кто вообще-то?

– Я-то? Да Николаев внук. Царя, значит, последнего.

– Че ты гонишь-то! Ты, в натуре, скажи!

– Завтра, – бомж легко скovyрнул с рук проволоку, привычно пошарил у пояса. Нашупав зашитый в ткань мундштук, успокоенно сунул ладонь под щеку. – Все завтра, пацаны.

Глава 6

Кое-кто за глаза звал его Пионером. Плавников Эдуард Николаевич действительно походил на доброго пай-мальчика из тимуровской гвардии. Разве что чуть взрослее, а вместо пионерской униформы – серый с блестками костюм, рубашка с безукоризненным воротничком, строгий галстук и сияющие солнцем Италии штiblеты. Аккуратный пробор на голове не портила ни одна волосинка, детский румянец по-прежнему красил его щеки, серые спокойные глазки прятались за очечками, которые он носил с первого класса. Внешность Пионера обезоруживала самого подозрительного чинушу, и только допущенные ко двору не строили иллюзий по поводу его истинного характера и настоящего хобби. Пионер был игроком до мозга костей. Не было таких игр, которых он бы не испробовал. Впрочем, на мелочах Плавников долго не задерживался, придя к тому, к чему и должен был, вероятно, прийти – к политике, самой азартной и самой прибыльной из всех возможных игр.

Звонок прозвучал именно тогда, когда и ждал Плавников. Суховатый голос сообщил, что с наводнениями на Дальнем Востоке борются успешно, что клещевой энцефалит не выходит за рамки обычного процента – словом, все бы ничего, да вот неожиданно-негаданно очередное ЧП со складом боеприпасов.

– ..Областная комиссия уже формируется. Возможно, и ваши коллеги отреагируют.

– Отреагируют, как же иначе! – Пионер, улыбаясь, откинулся в кресле. – Вы там тоже не теряйте контроля. Если можно еще что-то спасти, предпринимайте все необходимые меры.

– Так и сделаем, Эдуард Николаевич.

– Вот и замечательно! Держите меня в курсе... – едва опустив трубку, Пионер тут же нажал клавишу внутреннего вызова. Голову свою он любил и уважал. Частенько ему хотелось сравнить ее с мощным компьютером. Самые разнообразные программы крутились в ней параллельно, нейроны гудели от напряжения, пожирая столько же килокалорий, сколько требовалось мускулам могучего культуриста. Ведя исключительно кабинетный образ жизни, Эдуард Николаевич отличался завидным аппетитом. Ни в старость, ни в маразм он не верил. Лучшим примером для него был Вольтер. Старикашка, как известно, до самых последних лет волочился за дамами, способен был шутить и веселиться. Свежий ум – не от диет и лечебного голодания. Есть в печке тяга, будет и тепло. А тяга для Пионера знаменовала собой действие. Мышцы, если их ежедневно нагружать, будут и под пенсию, как у двадцатилетнего юниора. То же и с черепными, смахивающими на дольки грецкого ореха полушариями. Думай! Заставляй себя работать, и никакой склероз в дверь к тебе не постучится. Вот и теперь одна из областей мозга, освободившись от разрешенной проблемы, зудела, требуя новой пищи и новой работы.

– Долгонько же ты томишь гостей! – генерал вошел, чуть прихрамывая. Кинув на стол кожаную папку, с оханьем сел. – Все журналы в твоём предбаннике успел перелистать.

– Прости, Федор Фомич, телефон держал. Зато сейчас в полном твоём распоряжении.

– Это ты-то? – генерал усмехнулся. Он был неглуп и понимал, кто в действительности в чьём распоряжении пребывает.

– Да ладно тебе. Чего вдруг охромел? Полиартрит?

– Какой, к черту, полиартрит! В футбол с внуком играть вздумал. Вот и подковал дедулю.

– Сколько внучку-то лет?

– Да уж седьмой пошел.

– Это еще терпимо. Вот если подкует двадцатилетний оболтус, тогда действительно тяжёленько придется... Как насчет моего предложения? Обдумал?

– Ммм... У тебя здесь можно разговаривать?

– Обижаешь, Федор Фомич! Шесть раз на дню все проверяем. Стал бы я приглашать к себе таких важных людей. Говори свободно. Хоть про Путина, хоть про Сталина.

- Это хорошо, – генерал вздохнул. – Мне эта эзопова политика – вот уже где!
- Иначе, Федор Фомич, сейчас нельзя. Такой уж нынче год! Сам, наверное, помнишь, сколько всего насулили господа астрологи. Кстати, сказать, многое сбылось.
- Вот и я о том же. Стервозная пошла жизнь. Все кругом злые, вот-вот в очередную революцию кинутся.
- Ну, положим, не все.
- Ты-то не кинешься, это точно. Вон как светишься! Есть, выходит, хорошие новости?
- А как же! Для хорошего человека – и новости хорошие. Специально для тебя припасал. Словом, дельце со складом выгорело! И в Питере, и на Дальнем Востоке. Последние только что отзвонились. Товар вывезен, следы подчищены.
- Так... – генерал покачал головой. – Прямо не верится. Из одного ручья в десятый раз уже напиваемся. Честное слово, даже обидно. Чем они там думают! У них пальто с крючка сдирают, а они шубу вешают.
- Может, и обидно, да только государство тоже учить надо. Вот мы и учим. Пусть разберутся наконец с армией, пока не растащили все по соломинке.
- Это кто соломинками тащит? Ты, что ли?
- Это образ такой, Федор Фомич. Литературная аллегория. – Пионер выложил перед собой листок. – Но как бы то ни было, складские дела – в прошлом. Твои люди сработали гладко, пай получишь, как договаривались.
- Когда?
- Дней через пять-шесть. Но об этом не думай. Есть свеженький планчик. Снова найдется работка для твоих зондеркомандовцев...
- Черт! Дай им хоть отдышаться.
- Милый мой! – Пионер постучал пальцами по листу. – Некогда нам отдыхать, пойми. Без того времени воз потеряли. Тебе сколько лет-то?
- Причем тут возраст?
- А при том, дорогой мой генерал, что необходимо спешить! К дележу пирога мы с тобой, надо признать, опоздали. Все, что было можно, господа приватизаторы оприходовали и продали, нам остались крохи. Но ведь пить-то есть хоца, верно? Значит, надо не просто спешить, надо мчаться резвым галопом. Страна воюет, народ бузит – самое время ковать железо. Пока горячо, пока не насочиняли запретительных законов.
- Думаешь, могут насочинять?
- Уверен. Новый президент, похоже, с этого и собирается начинать.
- Что же ты предлагаешь?
- Я не предлагаю, я носом работаю. Ветра они, Федор Фомич, разные задувают. Всего-то и требуется от нас, чтобы в нужный момент поставить нужные паруса.
- Туманно говоришь.
- Потому и туманно, что боюсь сглазить. Зреет на российских нивах очередная финансовая игра, понимаешь? Атака на доллар с последующим отступлением. И к этой атаке нужно подойти во всеоружии, то бишь – с большим-пребольшим кошельком. Навар будет двести и триста процентов.
- Ну-ка, ну-ка! Значит, очередной дефолт?
- Пионер улыбнулся.
- Пока, Федор Фомич, без подробностей. Боюсь сглазить. А вот денежки по сусекам подскреби. Так, чтобы в любой момент можно было вложить в доброе дело.
- Но дело-то верное?
- Верных дел не бывает. Есть надежные и не очень, а здесь могу обещать одно: если прогорим, то вместе. Такой вариант устраивает?
- Ну, если ты рискуешь, то и мне грех не попробовать.

– Так-то оно лучше. А теперь о финансах. Сам знаешь, львиная доля – постоянно в обороте, свободного нала почти нет, а в операциях, что затеваются банковскими кутюрье, понадобится именно налик. Потому как вкладывать и изымать придется весьма спешно и через ряд непросчитываемых каналов.

– Рубли, доллары? Что нужно-то?

– А нас с тобой любой капитал устроит. Но для начала дам вводную... Название «Гаумото-Ка» говорит тебе о чем-нибудь?

Генерал нахмурился, склонил голову набок.

– Честно сказать, не припоминаю. Какие-нибудь ваххабиты?

– Нет, но в общем нечто родственная – секта из новеньких, с восточным запашком. Ближе, пожалуй, к «Аум-Сенрике» и «Новым Иеговистам». Ребятки там крутые и насквозь прагматичные. В сайтах используют для затравки чистое порно, на съездах без стеснения пускают в ход гипноз. В отличие от прочих хитроманов выуживают у собственных братьев по двадцать, тридцать, иногда по сорок процентов с дохода.

– Неплохо!

– Во-во! Что-то вроде прогрессивного налога. На собраниях поят какой-то бормотой, морят психоделической музыкой, забивают мозги трансцендентальными речами – в общем кодируют на полную катушку.

– Вот, суки!

– Суки, но умные. Касты напридумывали, иерархию. Чем выше растешь, тем больше тебе всего дозволяется. Из монашек делают жен, преподносят в подарок. Занимаешь ты, к примеру, сан ученика – одна послушница, переводят в смотрители – разом появляется шесть послушниц.

– Почти гарем!

– То-то и оно. Заманивать они умеют. Года четыре их не трогали, так они за это время успели раскинуть по стране целую сеть филиалов, десяток депутатов своих протолкнули, через посредников к цветным металлам успели приобщиться, спиритом приторговывают. Такие вот, Фомич, дела. С властями у этой конторы полный ажур, чувствуется, что и в мэрии у них тоже есть мохнатая ручонка.

– Ну и что?

– А то, что совсем недавно имело место серия самоубийств этих самых сектантов. Крайне, надо сказать, подозрительных. Людишки писали завещания, отдавали все свое движимое и недвижимое имущество братству, после чего накладывали на себя руки.

– Та-ак...

– Красиво, да? Словом нашими мудрыми сектантами наконец-то соизволила заинтересоваться прокуратура. Сведения верные, так что стоит прислушаться.

– Что-то я не очень понимаю, мы-то тут причем?

– А тут и понимать нечего. Раз спустили с поводка прокуроров, стало быть годика через два-три возьмут клиентов за жабры. Изничтожить, конечно, не уничтожат, но прыти заметно поубавят, само собой, заставят поделиться. Журналисты уже сейчас выются поблизости, чуют мертвечинку. Но и парни из «Гаумото-Ка» – тоже не дураки. Конечно же, насторожились, кое-какие из дел спешно сворачивают. Словом, начинается гонка, кто быстрее и кто хитрее. А моя идея – проста, как небо. Надо брать этих гаумотовцев тепленькими. Пока нас не опередили. Денежек у них немеряно – в основном на счетах и уже за кордоном, но хватает и здешнего налика. По слухам имеется золотишко, много предметов старины. Сейчас особые курьеры спешно свозят их в столицу. Тоже, вероятно, чуют, что пахнет жареным. Часть будут вывозить в Европу, часть кинут на алтарный зал.

– Что еще за зал?

– Да вот... Есть у нас, понимаешь, информашка, что орлы эти на протяжении последних двух лет в главном офисе, находящемся чуть ли не в центре столицы, создавали нечто вроде

алтарного зала. Для воздействия, так сказать, на психику верующих. Камушки там, золото, прочая мишура. По слухам, комнатка действительно красивая.

– Ну, а моя-то какая задача? Курьеры?

Пионер покачал головой.

– Перехватывать этих ребят накладно. Отстреляются и отплюются. Проще взять груз на финише. Меня, признаться, крайне интересует этот алтарный зал. Очень уж хорошие деньги были на него пущены. Ну, и конечно, стоит поинтересоваться недвижимостью секты.

– На кой она нам?

– Вот и видно, что человек ты, Федор Фомич, невысокого полета. Военный – и есть военный! Золотишко, конечно, хорошая штука, да только недвижимость – статья особая. Я тут закинул удочку и выяснил, что едоки есть. Помочь им документами, устранить силовиков, и согласятся экстренно переоформить недвижимость, расписать по нужным адресатам.

– Хорошо. А от меня что требуется?

– Отвечаю. Требуется вооруженная операция по изъятию ценностей и документации.

– С жертвами?

– Увы...

– Хмм... Это в центре-то Москвы? Стоит ли связываться?

– Стоит, Федор Фомич, стоит... – глаза Пионера глянули на генерала строго и твердо. – Чтобы ты не слишком трепетал и сомневался, назову некоторые цифры. Одной только недвижимости у этих гипнотизеров набирается на сумму в полтора миллиарда рублей.

– Миллиарда?

– Точно. Это не считая акций и прочей чепухи. В случае успеха половина будет нашей. В долларах – миллионов пятьдесят-семьдесят. То же и с золотишком, хотя все взять вряд ли получится.

– Черт!.. – генерал дрожащей рукой растер горло. – Лакомый кусочек! Но ведь шум поднимется до небес.

– Не поднимется. Ты ведь знаешь наше идиотское законодательство. Большой срок поглощает меньший, так и в мире событий. Если за первым скандалом, случается второй – более громкий, о первом моментально забывают. Финансовая карусель, которая грянет в России в самое ближайшее время, словно ластиком сотрет всю чехарду с «Гаумото-Ка». На нее просто плюнут.

– Так уж и плюнут?

– Сам в этом убедишься. В любом случае ради полутора миллиардов стоит постараться. Тем более, что это только начало. Если успеем хотя бы треть реализовать в живые деньги, а нужно попытаться реализовать все, через месяц получим те самые сто процентов, о которых я говорил.

– Черт! Прямо голова кружится!

Эдуард Николаевич хмыкнул.

– Стал бы я тебе предлагать пустяки. Кроме того, учти! Благую вещь совершаем! Всю эту мерзость выметать надо из России метлой поганой. Момент удобный, благо и власти стали строже смотреть на эту шушуру. Вот и подметим родную земельку.

– Так-то оно, конечно, так, но ведь и риск немалый.

Пионер, усмехнувшись, указал на лист.

– Внимание на экран, милейший генерал! Сейчас обговорим подробности. Операция не столь уж сложная, трехходовая, однако требует тщательного подбора кадров. Задействуем твоих орлов из спецбригады. Помнишь, ты о них как-то говорил?

– Не очень-то они надежные. В смысле, значит, криминала. То дельце с вагонами едва-едва вытянули. Вроде прокатило, но чувство у меня такое, что заподозрили ребятки неладное. Есть там у них чистоплюи, бузят потихоньку.

– Тем лучше. Потому я о них и вспомнил. Пусть поработают последний раз. Попутно избавишься от балласта. У Насарпанчика тоже есть путевые исполнители – сделают все, как надо.

– А твои гвардейцы?

– Ты о ребятах Айбо? – Пионер покачал головой. – Гвардия – это гвардия, сам знаешь. Наполеон за всю войну с Россией их так и не использовал их ни разу. Потому, может, и жив остался. Нет, Федор Фомич, сил у нас без того хватит. Есть ты, есть, наконец Насарпанов. У него особая омововская группа. Парни проволоку грызут, доказывают, что самые крутые и мастеровитые. Вот и дадим ребятам шанс отличиться. Твои парни перешелкают шаманов из «Гаумото-Ка», Насарпановские молодцы возьмут их в клещи на выходе. Ну, а ребята Айбо... Пожалуй, им тоже найдется работка. В случае чего подстрахуют.

– Господи! Это ж какая пальба начнется!

– Не такая уж и страшная. Все будут работать с глушителями.

– Да ведь в прессе хай поднимется!

– После всех наших переворотов, после чеченских кошмаров население уже трудно чем-либо удивить. Кроме того на прессу спустим ФСБ. Они в курсе деяний «Гаумото-Ка», так что подретушируют все, как надо. Уже есть с полдюжины лент о самоубийствах и сумасшествиях, о совращении малолетних и прочей подобной страсти. В нужный момент подмажем оэртэшников, на НТВ материалец подкинем, и пусть потом хоть одна тля заикнется в защиту убиенной мрази. Кроме того, не забывай о скандале номер два. Он сыграет роль главной ширмы.

– Да, но мои парни...

– А твои парни сыграют роль стражи при шамане. Этакая наемная гвардия сатанистов.

– Так ведь будет проводиться опознание.

– Это уже не твоя забота. – Пионер придвинул лист к генералу. – Теперь слушай и запоминай. Исполнителей должно быть шесть-семь человек. Самых строптивых и выбери. Первая и основная их задача – господа шаманы. Фотографии я тебе потом подошлю. Само собой, придется, разобраться и с охраной. Там их обычно не меньше дюжины. Вторая задача – алтарный зал, сейфы и ценные бумаги. Замочки, разумеется, крепкие, зато и сигнализации нет. Сектанты официальным властям не доверяют, целиком и полностью надеются на свои силы. В общем придется постараться,

Цифру три Пионер обвел жирным кругом, плотоядно улыбнулся.

– Бумажками мы, кстати, тоже хорошо сумеем поиграть. Такой преферансик разложим, чертям тошно будет!.. Ну, а потому третья задача твоих витязей – встретить группу, которая и погрузит деньги с документацией в особый фургон. Здание большое, так что этот сектор нужно будет надежно отрезать от эпицентра событий. Ну, а когда все будет кончено, храбрые витязи могут отправляться на выход, где их и положат доблестные пули Насарпановских ребят. Небольшой пожар довершит начатое.

Генерал поежился.

– Круто!

– Ничего, Федор Фомич, выдюжим! Сам знаешь, кто не рискует, тот не пьет шампанского. Ты-то сам как? Любишь шампанское?

– Вообще-то не очень.

– Ну тогда коньячок, – Пионер откинулся в кресле, хлопнув ладонями по подлокотникам. – Кстати, сейчас и угостимся! Друг привез на днях. Такой смак – язык проглотишь!..

– Значит, говорите, баклан? – Бархан смотрел тяжело и неприязненно. Переводя взор с человека на человека, впивался глазами, словно пиявка. Сохатый опустил голову, Пир испу-

ганно заморгал, а Королек почувствовал, что вот-вот заплачет. Зрачки у Бархана были булавочной остроты, и это казалось более страшным, чем мутная ширь после дозы кокаина. Под кайфом Бархан был неуправляем, мог казнить, а мог и подарить собственный «Мерседес». В трезвом виде Бархан чаще казнил, чем миловал. Оттого и был боссом, оттого и помышлял одним из столичных кланов – не самым крутым, но тоже весьма влиятельным.

– А знаете ли вы, соколики, чье заведение вы собирались выпотрошить?

– Ну так... Банк там какой-то.

– Придурки! – Бархан фыркнул. – Счастье, что вы там не засветились. У этого места тоже есть хозяин. Кстати сказать, большой мой друг.

Королек побледнел. Об этом он даже не подумал. Хотя догадывался, что более половины «обменников» живут главным образом на отмыве черного нала. А коли есть черный нал, значит, имеется и хозяин. И кстати, вполне могло получиться и так, что хозяином обменника оказался бы сам Бархан! Территория-то рядом! И вышло бы хуже некуда...

В глазах его все поплыло. От жутковатого предположения Корольку враз сделалось дурно. Версия и впрямь была вполне реальной. А уж тогда бы с ними точно никто разговаривать не стал. Подвесили бы к потолку за ноги и оставили на ночь.

– Скажите спасибо вашему баклану, что не дал вам совершить глупость.

– А может, его Лазо прислал? – выпалил неожиданно Сохатый. – Гадом буду, он! Мы же за деньгами поехали, он это понял. Вот и послал следом бультерьера.

Бархан фыркнул.

– Хороший, знать, бультерьер. Троих поломал.

– Он это... Азиатский бой знает. Кунг-фу с айкидо.

– Это я понял, – Бархан покосился на перебинтованную кисть Сохатого. – Значит, пальчики любит парень ломать?.. Что ж, запомним. И насчет Лазо проверим. Хотя очень мне сие сомнительно.

– Откуда же он там взялся?

– А вы сами откуда там взялись? Умные, да? Аж, масло из ушей лезет, да?

– Луну они крутят, – равнодушно произнес Схим. Он стоял тут же возле кресла, в котором сидел босс, по обыкновению месил челюстями жвачку и поигрывал нунчаками. – Напортачили, а теперь гонят порожняк насчет какого-то лося.

– Кто это гонит! – подпрыгнув, выверился Сохатый. От резкого движения кисть у него заныла, он зашипел от боли.

– Вы гоните. Локшанулись, вот и не знаете, что сказать. Еще и на Лазо тянете.

– Верно, – Бархан кивнул. – С Лазо заявочка не канает. Денег он мог попросить, имел право, но баклана следом бы не послал.

– Так мы ж не настаиваем, – дрожащим голосом пробормотал Королек.

– Оно и видно!

– Да нет же! Насчет кассы мы правду говорили! Был баклан. Здоровый такой и один. В обносках, небритый, точно из зоны сбежал. Если бы надо было легенду выдумать, мы бы покруче все обставили. А так все по совести обсказали.

– Тоже верно. Про баклана байка не слишком казистая. Один и без оружия. Да еще как времечко подгадал!.. – Бархан искоса глянул на телохранителя. – Как считаешь, Королек, Схим с ним управится?

Королек посмотрел в глаза лениво жующегося Схима и вздрогнул.

– Не знаю... Может, и да. Если с нунчаками.

– А без нунчак?

Никто Бархану не ответил. Босс со вздохом поднялся, заставив поджаться всех собравшихся в комнате.

– Ладно, ваше счастье, что баклан вам кости поломал. После таких подлянок я и сам кое-что могу сломать. С Лазо мы как-нибудь перебазарим, а баклана... Баклана придется поискать. ВАМ поискать. Разумеется, в свободное от работы время. Найдете, снова станете людьми, а нет, опущу еще ниже...

Глава 7

Кондиционеры прошибло первой летней соплей. Капало совсем как весной – справа и слева. Бомж двигался уверенно и скоро. Минувшая ночь настроила его на боевой лад. Юные хозяева лачужки испарились рано по утру, прихватив все его капиталы. Вероятно, посчитали законной платой за ночь, тем более, что гостенек сам обещал с ними расплатиться. В качестве сдачи ему была оставлена пара бутылок «Жигулевского», но к пиву он не притронулся. Даже бездомные вправе брезговать той или иной снедью, а от пива, пусть самого дорогого, по мнению бомжа, всегда отдавало мочой. Кроме того, после принятия на грудь хмельного напитка мозг его немедленно тяжелел, заметно сдавала реакция. Это нельзя было назвать опьянением, но и подобной расслабленности в нынешней ситуации бомж позволить себе не мог. Кроме того он вдоволь насмотрелся на обшарпанных коллег, собирающих по скверикам чинарики и бутылки. Без особого стеснения бутылки промывались в лужах, освобождались от наклеек, после чего сдавались киоскерам по оптовой цене. В то, что потом стеклянную тару кто-то повторно моет и тщательно стерилизует, бомж как-то не очень верил. Не те времена и не те нравы. А потому прикладываться к такой посудине претил и разум, и желудок. Так что пиво он оставил в лачужке, попутно пожалев, что не удалось поболтать с юным поколением. Любому оперативнику известно, что беспризорные кадры – лучший источник информации. Кое-что мог бы узнать, кое-что перепроверить. Впрочем, теперь это относилось к темам сугубо утопического порядка, а фантастику бомж не слишком переваривал. В столицу он прибыл прямым с зоны – и прибыл решать собственные вполне реальные проблемы. Было бы неплохо, если усилия оказались бы подкреплены финансовыми вливаниями, но, увы, вчерашний заработок нищего целиком и полностью перекочевал в кармашки сорванцов.

Впрочем, об уплывших капиталах бомж не сожалел. И было-то там чуть больше тысячи, а что такое тысяча? Пшик по нынешним временам. С такой суммой серьезного дела все равно не начнешь. Однако и вовсе без денег было худо. Прежде чем приступить к главному, следовало обеспечить себе надежные тылы. Под надежными тылами бомж подразумевал место ночлега и тугую пачку денег. Второе могло помочь с первым, и с этого второго он собирался начать сегодняшний день.

Босые люди даже в самую жаркую пору в российских городах встречаются крайне нечасто, и потому обувью он разжился у первых же помойных контейнеров. Радости от брошенных кем-то стоптанных штиблетов бомж, понятно, не испытал, но выбирать не приходилось. Лучше уж так, чем с голыми пятками. Эта обувка в отличие от оставленных в вагоне башмаков напротив оказалась маловата по размеру. Пришлось чуточку разорвать запянтники, так что держалась обувка на ногах исключительно благодаря шнуркам. Не побежишь и не попрыгаешь. Хотя долго разгуливать в этих штиблетах он и не намеревался.

На контору «Мастер-Глоуб», совершающей согласно золотистой вывеске самые различные операции с недвижимостью, бомж вышел случайно. Все равно как ткнул пальцем в географическую карту и угадал в какой-нибудь поселок. Офисов, банков и контор в нынешней столице разрослось как поганок в хорошем лесу. С таким же успехом на месте конторы мог оказать офис воротил, торгующих алюминием или медью. Словом, какое-нибудь очередное «эмэмэм». Топка, именуемая желудком, урчала и капризничала, требуя пищи, а потому с излишним анализом бомж тянуть не стал. Побродив с пяток минут вокруг здания, здраво рассудил: если на стоянке стоит тройка иномарок, значит, офис не пустует. Кроме того, вид сверкающих машин сам по себе о чем-то говорил. Здоровенные джипы загромождали добрую половину отведенного для легкового транспорта пятачка. Фасонистых, украшенных массивными решетками бамперов владельцам, видимо, было мало. На крыше джипов красовались фары на манер калифорнийских пустынных – тоже фишечка из заметных. Опустившись на корточки, бомж

подпер щеку ладонью. В одну из машин как раз усаживалась компания новорусов. Животы и загривки подстать принимающему их в себя автомобилю, пиджаки ядовито-зеленого цвета, на руках браслеты и кольца, на одутловатых ряшках бородавки. Словом, было всего вдосталь. Бомж проводил их плотоядным взглядом, поднявшись, перешел улицу, заглянув в соседний двор, напился из случайного крана. Утирая губы, подмигнул разлегшемуся в луже псу. Дворовой зверь по-своему спасался от жары и сейчас явно кайфовал. Потому как был явно не глуп, понимая, что истинное счастье не в джипах, не в кольцах и не в пиве. Иногда счастьем может быть вот такая заурядная и даже не слишком глубокая лужа.

Присев на скамью близ подъезда, бомж на минуту задумался, нервно, словно хирург перед операцией, принялся растирать ладони. Взлетающее в зенит солнце золотило крыши домов, достать дно колодцев-кварталов он было еще не в состоянии. Бубнило вездесущее радио – кажется, канал «В Европу прусь», где-то фальшиво наигрывала скрипка, и угрожающе гудел просыпающий многомиллионный город-монстр. Армады моторизованного транспорта лавой стекали по улицам во всех направлениях, и от шумливых этих потоков, словно и впрямь от вулканической плазмы, хотелось бежать прочь, зажав уши, закрыв глаза...

Заставив его вздрогнуть, за спиной прошуршали ветви акации. Бомж повернул голову. Мимо пугливым партизаном крался мальчуган с пистолетом.

– Паф! Паф! – заорали из далеких кустов. – Севка, ты убит, падай!

– И ничего не убит!

– Падай, дурак! Убит!

– Сам дурак! – обиженно возопил в ответ Севка. – Ты промазал!..

– Убит, убит, не спорь, – молниеносным движением бомж выхватил у парнишки пистолетик. – Чур, теперь я поиграю.

– Ты чего! – мальчуган изумленно распахнул глаза. – Это мой пистолет!

– Был твой, теперь мой.

– Отдай!

– Не бойсь. Через пять минут принесу. Честное слово! – бомж оглядел пластмассовое оружие, сунув в карман, поднялся. – Жди здесь, получишь две порции мороженого.

Паренек не поверил. Ни в мороженое, ни в то, что пистолет принесут обратно. С плачущим воплем он метнулся в подъезд.

– Папа! Тут дядька какой-то у меня пистолет отобрал!..

Встреча с папой бомжа отнюдь не прельщала. Шмыгнув в заросли акации, он обогнул дом кругом, скорым шагом ринулся к офису с джипами.

Импровизировать приходилось на ходу, ничего иного ему не оставалось. Поднявшись по ступеням, он отворил дверь и заранее поморщился. Разбой есть разбой, и удовольствие от него получают только дегенеративные личности. Посетителей, по счастью не было, но за конторкой сидел плечистый тип, рядом с ним в кресле зевал такой же архаровец в камуфляже. Тип беседовал с кем-то по мобильному телефону, архаровец баюкал на коленях гладкоствольную версию «Калашникова». Приблизившись к конторке, бомж кивнул беседующему по телефону, как старому знакомому, у зевающего архаровца поинтересовался:

– Начдив у себя?

Оборвав сладостный зев, архаровец сомкнул челюсти, моргая, некоторое время смотрел на вошедшего.

– У себя.

– Я пройду к нему, ага?

– А вы... Ты, собственно, кто?

Если перешли на «ты», значит, определенно успели разглядеть его графские штиблеты. Тянуть волынку дальше не имело смысла. Бомж демонстративно постучал пальцем по виску и двинул по коридору мимо охранника.

– Куда!..

Его грубовато ухватили за рукав, рванули назад. О большем бомж и не мечтал. Легкий проворот спутанных рук, и, мягко качнувшись телом, он послал ошеломленного охранника в ближайшую стену. «Калашников» перекочевал к новому хозяину, хищно клацнул затвором. Ударившийся о стену архаровец сделал попытку подняться, но жесткий приклад тукнул его по темечку, окончательно уронив камуфляжника на пол.

– Сидеть!

Вскочивший было за конторкой бычок, бледнея, опустился на стул.

– Вот так, молодец! А теперь телефончик!

– Что, телефончик?

– Сюда, говорю, давай!

Сильная ладонь, в которой трубка казалась игрушкой, протянулась в его сторону. Бомж сунул телефон в карман, сурово качнул головой.

– Нож есть? Перочинный?

На столик конторки легло швейцарское чудо с семью лезвиями. Конфетка, а не нож! Парень был просто душкой, выполнял все в точности, подчиняясь малейшей команде. Правая рука бомжа атакующей коброй мелькнула в воздухе, ужалила охранника в голову. На этот раз он бил более качественно, даже чуточку щадя. Охнув, бычок сполз со стула на пол. Подскочив к выходу, бомж щелкнул массивным запором. А теперь – маленький театр...

Надрезав ножиком палец архаровца, бомж промокнул кровью лоб охранника, перевернул тело так, чтобы багровое пятнышко было видно издалека. Нечто подобное проделал и со вторым типом, вновь усадив его на стул, уложив щекой на конторку, кровью на этот раз запятнав висок стража.

– О, кэй, братцы! – протерев приклад и рукоять, он положил автомат возле «убитого» архаровца, глазами оценил картинку. Странно, но вместо волнения пришло нервное и злое веселье. Улыбаясь, он сунул руку в карман, нащупал пластмассовый пистолетик.

Короткий коридорчик завершился аппендиксом. Пара стульев пустовала, и он смело распахнул дверь в кабинет генерального, если верить табличке, директора. Увы, это оказалась комнатуха секретаря. Белокурая дамочка, не такая уж модная и ослепительная, как пишут в романах, сидела за столом и наманикюренным указательным пальчиком неумело тыкала в клавиши компьютера. Добрый знак! Коли есть компьютеры, значит, есть и то, на что эти самые компьютеры приобретались. Бомж достал из кармана мобильный телефон, помахивая им в руке, приблизился к секретарше.

– Мне там, кисонька, было на сегодня записано. Ты посмотри, милая.

– На сегодня? Вам? – с какой-то пугливой настороженностью глазки ее скользнули по фигуре гостя. Правду, говорят, иные секретарши по одному виду посетителей могут рассказать абсолютно все не хуже рыночных гадалок. Возможно, никакой записи тут вообще не существовало, то есть, судя по личику секретарши, даже скорее всего, а потому бомж кивнул в сторону окна.

– Вон видишь ту таратайку? Это Лужкова. Ну, а я его зам по особым поручениям. Ты посмотри, посмотри. Я же вижу, что не веришь!

Он не преувеличивал. Конечно, ни в каких замов она не верила и все же, уступая натиску незнакомца, заторможено повернула голову. Сделав стремительный шажок, бомж аккуратно двумя пальцами стиснул ее шейку. Лучше было бы сделать это шарфиком, но шарфика под рукой не оказалось. Что поделаешь! Самой дамочки в сценарии тоже не предусматривалось, какие уж там шарфики!..

Так или иначе, но подобные вещи он исполнял виртуозно. Секретарша и дернуться-то успела всего пару раз. Позволив ей откинуться в кресле, бомж на всякий случай потрогал жилку на виске. Все в порядке, жива и невредима. Очухается через пару часиков, может быть,

даже раньше тех двоих. Резать пальчик даме не хотелось. Понимая, что рискует, бомж быстрыми шагами вернулся в коридор, на платок, извлеченный из кармана архаровца, превратившегося в донора, нацедил скупой мужской крови. С макияжем секретарши управился столь же умело. На бледном личике блондинки нарисованная «ранка», пожалуй, выглядела даже более зловеще.

– Ну-с, а теперь приступим к главному... – Бомж вынул пластмассовый пистолетик, придирчиво осмотрел его со всех сторон. В общем где-то даже похоже. Некий гибрид итальянской «Беретты» и нашего «Стечкина». Во всяком случае для неспециалиста вполне сойдет и за боевое оружие.

Спрятав руку за спину, он вошел в кабинет. Парень лет тридцати с небольшим в белой рубашке и в украшенном алмазной булавкой галстукѣ вскинул голову.

– Вы ко мне?

– К тебе, милочек, к тебе, – бомж с медлительностью приблизился к столу. Глаза его излучали холод, и генеральный директор немедленно поджался.

– Честно говоря, я не очень понимаю...

– Что? Сообразил, кто и зачем к тебе пришел?

Кровь отхлынула от лица хозяина кабинета. Директор заведения «Мастер-Глоуб» откровенно сомлел. Прямо грузи на носилки и увози куда хочешь.

– Может быть, вы объясните...

Не давая сидящему договорить, бомж сграбастал его за галстук, рывком приблизил к себе. Лицо его яростно перекошилось, пластмассовый ствол ткнулся в бледную щеку директора.

– Ну что? Догадался?!

– Но мы... Мы же обо всем договорились. Вы сами назначили срок...

– Когда это, милый!

– На той стрелке. Вы подписали, я подписал...

Бомж без особых усилий выдернул директора из кресла, заставил перевалиться через стол. Загremели сметаемые ручки и канцелярское барахло.

– Пошли!

– Куда?

– Сейчас увидишь!..

Ногой распахнув дверь, бомж выволок директора в секретарскую.

– Красиво смотрится, правда?.. А теперь на других взгляни!

В коридоре, увидев «убитых» охранников, директор совсем перестал быть мужчиной. Ноги его подломились, он повалился на ковер, пришлось снова его поднимать.

– За что? Мы все делали, как вы говорили...

– Все да не все, – бомж снова пощекотил лицо директора пластмассовым пистолетиком. – Тебя заказали, говнюк, ты понял? Заказали и дали аванс.

– Но за что?

– Нет, ты все еще не понял!.. – он выдержал паузу. – Видишь ли, сударик, я птица вольная – могу нажать курок, а могу и не нажимать. Так сказать, два варианта.

– Я... Я заплачу вам. Столько же!

– Да ну, неужели?

– Вдвое!..

Бомж удовлетворенно кивнул.

– Ну наконец-то! Соображаешь! Только мой гонорар, милочек, десять тысяч. Баксиков, разумеется, не рублей.

– Десять? – директор испуганно заморгал. – Сейчас у меня нет такой суммы.

– Нет?!

– Вы же видите: утро, а на ночь в сейфе мы оставляем только мелочь. Приходят клиенты, деньги заказываются через банк. Если бы вы зашли вечером...

– Сколько у тебя сейчас в наליке?

– Ну... Долларов шестьсот. И нашими около семи тысяч.

– Мда... Лучше мне тебя и впрямь шлепнуть. Выгоднее, понимаешь, браток. Уж не обижайся.

– Я заплачу! Сегодня же. Позвольте сделать пару звонков. Через час или полтора сюда привезут двадцать тысяч.

– Полчаса, не больше!

– Так быстро могут и не успеть.

– А ты, милоч, постарайся! – бомж снова затащил директора в кабинет, усадил за телефон. – Звони. И помни: одно неосторожное слово, и тебе крышка. Пусть приедут и ждут во дворе. Скажи, что выйдешь с клиентом, заберешь деньги и поедешь на объект.

– Объект? Какой объект?

– Неважно. Я тебя высажу по дороге. Джип потом где-нибудь брошу. Все уяснил?

Голова директора испуганно задергалась.

– Тогда звони...

От пережитого ужаса у него поднялось давление. Когда джип с киллером скрылся за углом директор «Мастер-Глоуб» обморочно прислонился к кирпичной стене. Какая-то старушонка задержалась рядом, беззвучно пошевелила губами. Директор ничего не понял, но все-таки кивнул. Жизнь потихоньку возвращалась к нему. Сначала правой рукой он вытащил портмоне, пошарил в потайном отделении, куда киллер отчего-то не удосужился заглянуть. Там лежало с пяток кредитных карточек разных банков. Если обнулить все оптом, сумма наберется более чем приличная. Не менее сорока тысяч долларов. По счастью, киллер оказался туповатым. О том, что существует такая вещь, как кредитная карточка, этот кретин возможно, вообще ничего не знал. Значит, повезло. Фортуна за сегодняшний день улыбнулась ему дважды: первый раз – оставив в живых, второй – сохранив личные капиталы.

С трудом передвигая ноги, он двинулся к офису. Не сразу сообразил, что отъехали они порядком, и будет разумнее воспользоваться транспортом. Директор с трудом припомнил, что где-то здесь ходят трамваи и троллейбусы. Ни тем, ни другим он не пользовался, должно быть, уж лет семь или восемь. Черт его знает, как оно там теперь. Наверняка по-прежнему штрафуют. Да и нет ничего хуже, чем менять привычки. Если б оставалась мелочевка, а так... Он самонадеянно проголосовал, остановив затрапезного вида «Жигуленок». Водитель запросил пятьдесят рублей, хитровато прищурился, ожидая, что с ним будут торговаться. Но торговаться директор не думал. Докатили с ветерком, но вместо денег директор протянул хозяину «Жигулей» визитную карточку с голографическим логотипом.

– Это мой офис, – кивнул он на близкое крыльцо. – Деньги там. Вышел, понимаешь, а с собой ничего не захватил.

– Так уж и ничего?

– Есть пара кредиток, но это, сам понимаешь, канитель. Пока найдем рабочий автомат, пока вытрясем из него купюры... Проще зайти да взять, верно? – директор и сам обрадовался внезапной идее. Так оно и впрямь будет лучше. Трупы они обнаружат сейчас и вместе, водитель таким образом станет свидетелем. Ребята, что привозили деньги, промолчат. И пусть потом гадают милиция, кто и от чего умер. У него и других забот хватит. Потому как не каждый день тебя заказывают, и тут надо как следует призадуматься. Не такой уж он крутой, чтобы не знать

счета своим врагам. Разумеется, есть обиженные, но этих несложно вычислить, а, вычислив, упредить...

– Пошли, не бойся, – более бодро произнес он. – Заплачу, как договаривались.

Водитель еще раз оглядел дорогой костюм директора, в сомнении поджал губы.

– Что ж, пойдем. Только без шуток, лады?

– Какие там шулки! Зайдем, возьму у секретарши ключ от сейфа и расплачусь.

Они уже выбрались из машина, когда дверь офиса скрипуче распахнулась, и на крыльцо вышел архаровец в камуфляже. Осторожно потирая затылок, он уставился на шефа. Директор в свою очередь воззрился на ожившего охранника.

– А мы-то вас ищем-ищем, – пробормотал архаровец. – Клавдия уже в ментовку звонить собралась, я отговорил.

– Клавдия? Она что, тоже живая?

– Все живые. У Валерика, правда, качественный сотряс. Мы ему компресс на лоб положили.

– Значит, этот козел... Этот козел нас надул? – директор ощутил, что его трясет. Но не от злости, от хохота.

– О, Господи! Ну дела! А я-то уж все на свете передумал!..

– Э-э, в натуре, – напомнил о себе водитель. – Счетчик тикает, с вас пятьдесят целковых.

– Чего ему надо? – архаровец хмуро кивнул на водителя. – Каких еще целковых?

– Можно и половину, – быстро поправился водитель. – Мы же нормально договаривались, без кидалова.

– Ладно, ладно, заплатим. – Директор дрожащей рукой вытер выступившие на глазах слезы. – Выдай ему, Генчик, полташик. Из своих, если есть. И пусть катит.

– Как скажете, – архаровец хмуро полез в карман за деньгами. Коротко ругнувшись, зацепившись свеженькой повязкой за пуговицу. Где и когда он успел порезать палец он так и не мог вспомнить, а кровь на физиономиях коллег за свою так и не признал.

Глава 8

Покидая метро, бомж чувствовал себя так, словно выбирается из логова матерых людоедов. Грохот вагонов, рык электричек, реклама, реклама, реклама...

В переходе динамики хрипло и ностальгически воспевали удаль мокрушника Лени Пантелеева, и тут же из соседнего киоска другой магнитофонный голос сипел что-то про несчастную, по сию пору непонятую народом братву. Все получалось точь-в-точь по Говорухину. Вопреки многим и многим языкастым... Забавно, но, даже прокуковав больше года на зоне, свалив на волю в составе крепкой блатной команды, бомж все же не причислял себя к браткам. Самое обидное, что ни к одной из социальных групп его по-прежнему нельзя было отнести. Военные его кинули, зона надолго не задержала, а жизни полноправного гражданина он так по сию пору и не изведal.

Поморщившись, бомж покосился по сторонам и тут же уперся взглядом в висящие на стенах афиши. На них по-шварцнеггеровски мускулистый Чарли Чаплин скалил зубы и целил из американского автомата во что-то неведомое. Бомж чуть было не сплюнул себе под ноги, торопливо зашагал к эскалатору. Рекой, поправшей физические законы, лестница медленно понесла его вверх. Скользнула в голову неприятная мысль. О том, что все растет, все изменяется, может, он просто стар, и этот пестрый, раздувающийся от цинизма мир следует принять, как должное? Вон, кругом штабеля «сникерсов» и «дирилов», презервативы цветные, в пупырышках, ароматизированные – разве ж плохо? Игрушки в витринах такие, что в их детские годы даже в самых радужных снах не снились. Правда и менее счастливы они от этого вряд ли были – стругали что-то свое из досок, клеили из картона, вырезали из фольги. Нынешние этого не умеют, но кто сказал, что им надо уметь? Новое поколение, значит, и новые задачи. Или нет?..

Рассеянно он поднял голову и вздрогнул. Годовалый малыш, светловолосый, кудрявый, этакий Володя Ульянов, сошедший прямиком с октябрятской звездочки, сидел у матери на руках и, улыбаясь, смотрел на бомжа. Во рту три маленьких зубика, в глазах ни тени недоверия, – одно только зеленое весеннее тепло. Бомж ошарашенно сморгнул, и в ту же секунду пухлая ручка потянулась к его носу. Чуть-чуть не достала, не позволила мать, но бомж вдруг в смятении почувствовал, что, наверное, это и есть главное счастье, когда такое вот юное чудо, улыбаясь, будет мять в своих пальчиках его нос-носище, похожий, на клаксон, будет гулить при этом неразборчивое, не питая к обладателю носа ни зла, ни ненависти. Он торопливо отвернулся...

Эскалатор вынес их в просторный, заполненный людским гомоном зал, улыбчивый ребенок затерялся среди голов, косынок и кепок. Встряхнувшись от мимолетного наваждения, бомж сориентировался по подвешенным справа и слева указателям, размеренно зашагал к выходу из метро. На ступеньках у грязных кафельных стен с вытянутыми лодочками ладоней стояли бабульки. Чуть дальше на коврик примостился небритый дед. На плохого качества флейте старичок наигрывал что-то из концертов Энрико Мориконе. Щеки его были багровые от напряжения, с конца флейты часто капала слюна. Старый дуралей ничего не видел, и где ему было понять, отчего проходящие мимо брезгливо огибают его стороной. Бомжу стало жалко старика. Мелодию тот вытягивал вполне справно. Кинув музыканту десятку, он сунул по купюре и старушкам. Выйдя из перехода, свернул налево, пройдя немного, обнаружил, что он на Патриарших прудах.

Пруд, собственно, давно уже был один-единственный. И тот укатали в асфальт, поджали каменными плитами справа и слева, превратив в крохотный квадратик. Четырехугольная неестественность водоема била по глазам, и бомж тотчас припомнил декоративные пруды Екатеринбурга. Заросшие и не слишком чистые, те были однако круглые, как первозданное

колесо, возле них было уютно сидеть, и никто не запрещал ловить в них рыбу мелюзгу. Патриарший же пруд больше напоминал заросшее водорослями болотце, и не спасали положения две крупные пичуги, уныло плавающие посередине водного каре. Прищурившись, он всмотрелся. Не то утки, не то лебеди, которых взяли да поселили в собачьи, поставленные на якоря конурки. Впрочем, среди столичного грохота и пыли, после похожего на маленький ад метро – эти аллеи и этот пруд тоже можно было с полным основанием именовать оазисом.

Бомж присел на скамью, подле себя водрузил большую спортивную сумку. За минувшие три часа вид его разительно переменялся. Джип он оставил на одной из городских улочек, помятую и изношенную одежду вкупе со стоптанными штиблетами выбросил в мусорный бак. Теперь на нем красовались просторные джинсы, мягкие удобные кроссовки, военного покроя рубаха. Защищенный ранее за подкладку пластмассовый мундштук с адресами нужных людишек, теперь покоился в потайном, застегивающемся на молнию кармашке. Кроме того в сумке, свернутый в рулон, покоился камуфляжный костюмчик, и там же лежали последние его приобретения: японского производства прибор ночного видения, совмещенный с электронным, дающим сорокакратное увеличение биноклем, приличных размеров нож-складень и капроновая компактная палатка, которую можно было при нужде раскинуть в любом из парков Москвы. Не поленился он обзавестись и иным камуфляжом, купив с рук мятый безразмерный пиджак и более чем поношенные брюки. Ошалевший от счастья продавец разве что руки ему не расцеловал. Подобный костюмчик годился разве что на коврик в гараже или половые тряпки. Правда, не хватало еще главной детали экипировки, но с этим он тоже, кажется, сумел разобраться. Именно к Патриаршему пруду должен был явиться китаец, заверивший его, что искомый инструментарий у них хранится где-то в этих местах. Надо лишь встретиться, зайти и посмотреть. А, посмотрев, выбрать нужное и выложить наличные.

Стянув с ног кроссовки, бомж чуть приспустил носок с левой ноги, хмуро осмотрел мозоль. Вскрыв свежую упаковку с пластырем, наклеил на мозоль сразу парочку – таким монастырским крестиком. Снова обувшись, щедро плеснул в ладонь одеколону, растер руки, лицо и шею. Таким образом он точно смывал с себя городскую, липнущую отовсюду накипь. Здесь, в аллее близ пруда, это можно было себе позволить. Достав из сумки пакет с печеньем, он вспорол целлофан, надкусил одну печенину. На оградку, колышущую пруд, тотчас опустилась парочка воробьев. Местные крылатые жиганы. Бомж покрошил им печенья на землю, воробьи ринулись к крошкам, клюнули пару раз и снова взлетели на оградку.

– Зажрались вы, братцы! – пробормотал он. – Чем же вас тут кормят?

Из сумки внезапно вылез крупный таракан, щурясь усищами на солнце, неуверенно перебежал на скамейку. Один из воробьев стремительно атаковал его, стиснув клювом, взмыл вверх. Бомж заглянул в сумку, бегло перевернул вещи. Больше тараканов не было. Либо прихватил из магазина, либо посадил усатого попутчика в метро. Нынешняя жара расплодила этот подпольный народец сверх всякой меры. Не раз и не два бомж видел этих насекомых, снующих прямо под ногами прохожих.

– Привет!

Бомж оглянулся. Возле скамейки стоял китаец. Тот самый, с которым он беседовал на рынке.

– Все в порядке?

– В порядке, канешна, в порядке, – китаец улынулся, продемонстрировав пару металлических фикс. – Все на месте. Пошли со мной, увидишь.

Бомж поднялся.

По Малой Бронной они спустились до Спиридоньевского переулка, углубились в кварталы. Китаец не слишком петлял, видимо, ничуть не боялся случайного клиента. А может, успел тайком проследить, убедившись, что хвоста бомж за собой не ведет, по рации никому ни

о чем не докладывает. Будущего покупателя это, впрочем, не слишком волновало. Товар ему требовался довольно специфический, и этот товар господа китайцы обещали ему продать.

– Тут! – спутник указал загорелой рукой куда-то вверх. Снова улыбнулся, глазками отчего-то убежав от встречного взгляда. – На третьем этаже.

Дом походил на общагу. И снаружи, и изнутри. Вещь из тех, что положено сдавать либо в комиссионку, либо в утиль. На первом же лестничном марше бомж углядел все тех же потихоньку оккупирующих столицу тараканов. Нога сама дернулась чуть в сторону, давя зазевавшегося усача. Хрусть, и мокрое пятно уплыло за спину. За что и почему – неважно. Если вдуматься, дело даже, собственно, не в тараканах. Тараканы – символ грязи и нищеты, а грязь с нищетой трудно любить...

Китаец поднимался легко и быстро. Бомж едва поспевал за ним. Лестница кончилась, они очутились в сумрачном коридорчике. Еще с десятков шагов, и спутник толкнул обшарпанный, утыканный шляпками гвоздей дермантин. Они вошли в квартирку, и кто-то тотчас прикрыл за их спинами дверь. Отчетливо щелкнул замок. Навстречу бомжу шагнул сухонький молодой человек, больше похожий на корейца, чем на китайца. Бомж нахмурился. Может, они тут и вовсе вьетнамцы? С чего он вообще взял, что его спутник китайского происхождения? Или сработал давний стереотип?.. Без особого интереса он окинул жилище рассеянным взором. Все-таки европейский люд ни черта не смыслит в национальных отличиях азиатских народов. Даже по тому, что висело на стенах и лежало на койках, он не мог докопаться до истины.

– Дэнги принес?

– Деньги при мне, – бомж похлопал себя по груди. – Где товар?

– Тут товар, тут, – сухонький произнес что-то на незнакомом языке, и занавеска, перегородившая комнату надвое, колыхнулась. Вышел еще один азиат. Желтизна как у больного холециститом, бегающие глазки. Уколов взглядом бомжа, он что-то сердито и гортанно проговорил. Ему робко и неуверенно возразили. Бомж слушал их голоса, как музыку. Они без сомнения ругались, но даже ругань на их певучем языке казалась мягкой, не лишенной определенного шарма. За спиной снова щелкнул замок, в квартиру зашел широколицый человечек с покатыми мощными плечами и нервно подергивающейся щекой. Китайцы враз замолчали. Бомж вдруг понял: с появлением этого четвертого что-то должно произойти. Тем паче, что их тут теперь целая команда против одного русака. Задним числом ругнул себя за беспечность. Черт-те кому поверил, черт-те куда забрел... Разумом он еще надеялся, что все обойдется, однако напрягшимся нутром чувствовал: ему устроили банальную ловушку. Интуиция редко его подводила. Поживешь с десятков лет в горячих точках – не такое научишься чувствовать! Вот вам и китайцы с вьетнамцами! Братские, понимаешь, народы!..

– Покажи! – требовательно попросил широколицый гость. – Дэнги покажи.

– У меня доллары, как просили. Что-нибудь не так? – Бомж наощупь достал пару купюр, помахал ими в воздухе. – Давай, камрад, не телись. Показывай товар.

– Чичас. Чичас будет тавар.

Даже это «чичас» бомжа не развеселило. От внимания его не укрылось, с какой многозначительностью широколицый переглянулся с приятелями. Боковым зрением отметил, что сухонький шагнул к нему чуть ближе. И даже не шагнул, а остороженько так придвинулся. Если бы бомж не ждал чего-то подобного, все в момент бы и кончилось. Огромный тесак, оказавшийся в руке сухонького, описав стремительный полукруг, рассек шею отпрянувшей жертве. Удар оказался более чем коварным. Если бы бомж не успел качнуться в сторону, горло его уже вовсю бы сифонило кровью. Такими тесакими рубят бамбук и китовьи туши, с легкостью торят тропы в самых густых джунглях. Вероятно, на этот единственный удар собравшаяся желтолицая компания и рассчитывала. Им не повезло. Он не хотел умирать, а главное: ОН УМЕЛ НЕ УМИРАТЬ. Повторяя движение смуглой руки, кисть бомжа метнулась следом, перехватила желтые, стискивающие рукоять пальцы, резко провернула, одновременно сгибая

под неестественным углом. Пронзительно взвизгнув, хозяин тесака рухнул на колени, с силой ткнулся лицом в половицы. С воинственным воплем, взметнув ногу, справа ринулся второй обитатель квартирки. Юнец, видимо, изучал на досуге карате. Бомж не стал уворачиваться от его ступни, принял удар, чуть скрежетнув зубами, и тут же, перегнувшись телом, достал костяшками кулака в оскаленное лицо. Одновременно скинул с плеча сумку, не глядя, швырнул в ближайшего соперника. По спине упавшего перебежал к стене. Попутно, добил ударом пятки любителя карате. И все же надо отдать им должное: люди они были верткие. Не успел он перегруппироваться, как в плечи ему впились чьи-то ногти. Кошкой на нем повис тот самый широколицый человечек. Был он легок, но силен. Бомж стремительно крутанулся на месте, но желаемого результата не достиг. Тело азиатика мотнулось по широкой дуге, однако пальцев противник не разжал. От дверей наступал четвертый соперник. Этот и вовсе не собирался шутить, в руках он держал порыжевший от ржавчины туристический топорик. Видимо, инструмент приготовили тоже заранее. Для шинковки недотепы-покупателя. Чтоб не возникал потом, не поминал обиженно о правах потребителя...

Медлить было опасно, и, ухватив вцепившегося в него азиатика, бомж с рыком, точно штангу, вырвал его над головой. Треснула злосчастная рубаша, но это уже было несущественно. Шагнув к вооруженному топориком, он швырнул извивающегося китайца, в противника. От напряжения даже треснуло что-то в спине, но и бросок получился отменным. Не столь уж мелкий снаряд – человек, чтобы можно было так запросто от него увернуться. Оба соперника рухнули на пол. Кто-то из них тут же заворoshiлся, пытаясь подняться, но бомж, не приближаясь, метнул в эту кучу-малу ветхое кресло. Не довольствуясь достигнутым, следом за креслом отправил пару табуретов. Последний угодил по чьей-то черепушке. Куча-мала затихла.

– Ну, стервецы! – шумно дыша, бомж коснулся шеи. Пальцы угодили в теплое и липкое. Поганый тесак сделал свое дело. Кровь не хлестала шумным потоком, однако текла довольно обильно. Не сразу он отыскал глазами замызганное зеркало, шагнул ближе. Рана оказалась не глубокой, но широкой – сантиметров аж в семь-восемь. Кровь останавливаться явно не собиралась, и приходилось утешать себя только тем, что все могло кончиться во сто крат хуже. По счастью чертов тесак не затронул артерии. Иначе и впрямь можно было бы лечь прямо здесь. Истек бы кровушкой в несколько минут.

Жалеть без того порванную рубашу не имело смысла. Он разодрал ее на полосы, скатав некое подобие тампона, прижал к порезу, наскоро притянул к шее парой мотков. Можно было бы пошарить в квартире в поисках бинтов, однако задерживаться не стоило. Судя по всему, в доме обитало еще немало соплеменников побежденных. Вряд ли объяснения бомжа кого-нибудь из них могли бы всерьез растрогать. И все же, сорвав занавеску, он бегло осмотрел комнату. Напрасные надежды! Никакого оружия здесь, конечно, не было. Его попросту взяли на пушку. Денежки бы, понятно, экспроприировали, а его самого построгали топориком на супчик или котлетки. А может, по-джентльменски сложили бы кусками в полиэтиленовые пакеты и ночью аккуратно стаскали в мусорные баки. В любом случае перспективка – не из приятных! Бомж, сплюнув, мазнул по голой груди ладонью. Несмотря на повязку, кровь из раны продолжала сочиться. Подобрал сумку, он достал камуфляжную куртку, быстро натянул поверх голого тела. Вот так... Если с поднятым воротником, то вроде и не слишком заметно.

Один из лежащих у порога пошевелился. Бомж от души поддал ему мыском кроссовки под ребра. Громкому хрусту не обрадовался и не удивился. Все равно как услышал хруст раздавленного таракана. Тем более голову начинало слегка кружить, следовало уносить ноги – и как можно быстрее.

По лестнице он сбегал еще довольно уверенно, однако под открытым небом ему стало хуже. Перед глазами закружились разноцветные кольца, в голове зашелестели перемещаемые ветром пески. Он и не заметил, как очутился в метро. Точно раненого зверя его влекло прочь

от места роковой встречи. Все было правильно, но и долгой дороги он уже не мог выдержать. Высидев пару остановок и почувствовав, что засыпает, бомж вышел.

На этот раз его вынесло к спорткомплексу «Олимпийский». Он остановился. К огромному каменному монстру потоками стекались господа книгочеи и книготорговцы. В другой раз он и сам влился бы в этот людской ручеек, но сейчас ему было не до книг. Малость передохнув на каменном парапете, незадачливый покупатель оружия доковылял до двухэтажного здания «Макдональдса», тут же прошел в сияющий чистотой туалет.

Запершись в кабинке, снова осмотрел рану. Полосы ткани чуть размотались и набухли от крови. Он спустил их в унитаз, из металлического, прикрепленного к стенке аппарата выкрутил метров пять бумажных полотенец. Разумеется, это были не бинты, но все ж таки лучше, чем ничего. На этот раз он постарался на совесть. Повязка получилась настолько тугой, что стало трудно дышать. Сполоснув руки, он взгромоздил на плечо сумку и вышел из туалета. Кое-как поднялся на второй этаж, занял столик на отдалении. Людей здесь было значительно меньше, чем внизу, по крайней мере можно было чуток передохнуть и поразмыслить. Чтобы не привлекать к себе излишнего внимания и не торчать пнем за пустым столиком, он подманил мальчугана в униформе и попросил принести из кухни что-нибудь пожевать. Разглядев сто-рублевую купюру, мальчуган с улыбкой начал перечислять названия чизбургеров и бигмаков. Перебивая его, бомж махнул рукой.

– Что-нибудь на твой вкус. Сдачу оставишь себе.

Мальчуган кивнул и исчез. Как выяснилось, исчез ненадолго. Уже минут через пять он принес заставленный свертками поднос.

– Сок, мороженное, кофе, пара мясных гамбургеров, один с грибами и сыром, – коротко доложил он. – Всего на семьдесят шесть рублей.

В вежливом его голосе угадывалась вопросительная интонация. Паренек попался вежливый, и к чаевым они, видимо, тут еще не привыкли.

– Спасибо. Сдачу, как и договаривались, забирай.

– Благодарю, – мальчуган спрятал деньги в кармашек на груди, отойдя в сторону, тут же занялся приборкой столов.

Склонившись над подносом, бомж пригубил из высокого пластикового стаканчика и поморщился. Малейшее движение причиняло боль, но хуже того – ослабляло импровизированную повязку. Наверняка кровотечение возобновилось. Он стиснул кулак и почувствовал, что пальцы уже не столь послушны. Это ему крайне не понравилось. Если так пойдет дальше, промокнет и повязка, и весь камуфляж. А еще раньше он рухнет здесь без сознания...

– Щедрый вы, однако! Может, и картинку купите? Я недорого отдам. Честное пионерское!..

Бомж поднял глаза и разглядел помятого бородача. Линялые брюки бесформенной эпохи шестидесятых, дешевая куртка и уж вовсе неуместные в такую жару боты. Впрочем, еще вчера он и сам выглядел ничуть не лучше. Если что и представляло некую ценность в облике незнакомца, так это картина, которую бородач держал в руках. Сюжет на первый взгляд прост, однако приглядеться к нему стоило. Темная спальня, окно, возле окна обнаженная дамочка.

– Ну как? Купите? Картинка – экстракласс! Это я вам без дураков говорю. Выставляться средств нет, но пишу не хуже Шемякина.

Бомж молча разглядывал картину. Вероятно, что-то в ней и впрямь было. Что – он не сумел толком сказать, но живопись вообще не терпит толковых объяснений. Женщина на первый взгляд была самой обыкновенной. Складчатый живот, простоватое лицо, и никаких тебе стройненьких ножек от шеи, никаких роскошных грудей и волос. Тем не менее в позе ее, в глазах читалась такая живая грусть, такое ожидание чуда, что поневоле бомжа передернуло. Он подумал, что если даже в таком состоянии он способен, глядя на картину, что-то чувствовать, значит, художник и впрямь талантлив.

- Ты голодный?
- Есть маленько, – бородач криво улыбнулся.
- Садись, – бомж пододвинул ему стакан сока и один из пакетов. – Мне все равно не справиться.
- Нет аппетита?
- Да... Шею, понимаешь, поранил.
- Шею? Как это? – художник уже устраивался напротив. Долго уговаривать его было не нужно. Бесценную свою картину он запросто зажал между коленей.
- Да вот, нашлись люди добрые, ковырнули ножиком.
- Таких добрых людишек у нас хватает, тут ты прав. Мне сегодня тоже накостыляли. На площади. И не кто-нибудь, а вправдашние менты.
- Это за что же?
- А вот за эту самую картину. В стране, понимаешь, бардак, пенсий с зарплатами не платят, а они людям и этой малости не позволяют. А я ведь не ворую, торгую собственным трудом. Коли на то пошло и налог готов платить, но! – указательный палец бородача поднялся. – С прибыли налог! А какая у меня прибыль? Едва на хлеб да на квартиру хватает.
- Не только на хлеб, как я погляжу.
- Чего?.. А-а, вон ты про что, – художник упрямо качнул головой. – Правильно, выпиваю! Потому как имею право. А они меня в морду тычут. За что? Только за то, что я не отстегиваю, как другие?
- Где ты торгуешь?
- Так везде уж пробовал. Сейчас вот с Монетки турнули. Там менты хозяева, им все платят. И художники, и чебуречники, и черные. За место – полтинничек, нехило, да? А если я, к примеру, ничего не продал за день? Или продал, но за тот же полтинник? Мне что, эти орлы краски с кисточками покупают? Или, может, позируют на дому? – бородач выругался. – Обвешались автоматами и чувствуют себя царьками. Из-за таких вот вредников их ментами и кличут.
- Значит, парочка на Монетке?
- Иногда парочка, иногда трое. И бухими частенько приезжают. Представляешь картинку? Хватают какую-нибудь пьянь, волокут в воронок, а сами при этом кренделя сапогами выделывают.
- Обижен ты на них. Есть, верно, за что?
- Да уж верно есть. Если б только я. Там все на них зуб имеют... – Бородач успел набить рот, и оттого речь у него выходила невнятной.
- Бомж нахмурился. Либо речь невнятная, либо начинались нелады со слухом. Голову кружило все сильнее, самоконтроль заметно сдавал позиции. Он задышал чуть чаще.
- Как же их зовут?
- Кого?
- Парочку твою.
- Художник смахнул с бороды крошки, причмокивая, отпил из пластикового стакана.
- Старший у них – Митек, а других, честно сказать, не знаю да и знать не хочу.
- Силуэт собеседника внезапно поплыл, быстро начал раздваиваться, бомжа чуть покачнуло.
- Э-э, да ты совсем бледный! С чего это? Плохо, что ли?
- Мне бы, браток, бинтов... Лекарств каких-нибудь...
- Бомж не хотел жаловаться, но фраза вырвалась у него сама собой. Верно, и впрямь прижало. Мир перед глазами медленно, но верно, заволакивала багровая мгла.
- Так, может, это... В больницу?

– Да нет. Не надо больницы... Где-то бы отлежаться, а? Не знаешь часом, комнатку кто-нибудь не сдает? Я бы хорошо заплатил. Без обмана.

Успевший расправиться с гамбургером, художник сыто икнул.

– Слушай, а ты и впрямь плохо выглядишь. И глаза какие-то...

– Я насчет хаты спрашивал.

– Так чего ж... С хатой проблем нет. То есть, если без наворотов и изысков, то можно даже ко мне. У меня, правда, однокомнатная и без джакузи, но в общем и целом...

– Далеко?

– В смысле, значит, живу-то? Да нет, тут рядышком. Всего-то пара кварталов.

Бомж махнул рукой.

– Годится. Только подсоби встать.

– Что, прямо сейчас? А как же это все? – бородач кивнул на стол.

– Хочешь, бери с собой. Главное – помоги. Куплю потом все, что попросишь. И картину твою куплю.

– Понял! – художник суетливо вскочил. Пакеты сунул прямо за пазуху, картину подхватил под мышку. – Меня вообще-то Артемием зовут. И фамилия знатная – Васнецов. В смысле, значит, был уже такой художник. Мне даже советовали внуком его представляться. Может, наберусь нахальства и впрямь как-нибудь назовусь. А что? Дети и внуки – дело смутное, поди проверь. Мало ли их на свете – сынков лейтенанта Шмидта! Ты-то как считаешь?

– Потом, Артемий, потом...

Свободной рукой бородач помог бомжу подняться.

– Ну ты, паря, и тяжелый!

– Это, ничего. Силы еще есть. Ранка пустяковая, но крови прилично потерял. Мне бы отлежаться. Денек-другой...

– Понял! Все понял! – Артемий уже тянул его к выходу. Пространство кружилось перед глазами, лестница опасно раскачивалась, тем не менее бомж чувствовал, что ноги ему все еще повинуются. Терять сознание он пока не собирался.

Глава 9

Наверное, впервые за много месяцев он вольготно лежал на диване, листая газеты с журналами. Шея болела вполне терпимо, и все-таки головой крутить категорически возбранялось. По счастью, бородатый художник действительно проживал поблизости, а потому обошлось без серьезной кровопотери, хотя стаканчика два-три из него определенно вытекло. Ну да кровушка – дело наживное. Если посчитать, да взвесить, сколько всего он пролил ее на задворках империи, то, вероятно, наберется с изрядный аквариум...

Он сердито сдвинул на переносице брови. Успокоения не приносило даже такое легкомысленное занятие, как перелистывание газет. Бумага-то все стерпит, но печатные строки били по глазам, недобрым свинцом откладывались в памяти.

..Бультерьер снова покусал гуляющего ребенка. Ребенок в реанимации. Хозяева пса отделались небольшой денежной компенсацией, четвероногого друга по-прежнему выгуливают без намордника...

..В свердловском музее восковых фигур – премьера! На этот раз вниманию зрителей предлагается более монументальное произведение. В отдельной комнате во всех натуралистических подробностях воспроизведена сцена расстрела царской семьи. Образ погибающего царя Николая, Александры Федоровны, детей удались художнику с особенной силой! Что и говорить, эпизод с добиванием на бис умирающего лебедя из сериала «Маски-Шоу» становится жизненной явью. Зрители рукоплещут, кровавое действо повторяется вновь и вновь...

..Очередная авиакатастрофа в небе над Сибирью... Взрыв в Санкт-Петербурге, снова убит депутат госдумы... Терракт в Дагестане, обстрел колонны Пермского ОМОНа... Талибы явственно угрожают границам России...

Бомж смял газету в комок, раздраженно швырнул в сторону. Четвертая колонна воистину безумствовала. Распоясавшееся журналистское племя вконец свихнулось, не понимая, что с прилежанием претворяют в жизнь все тот же багровый соцреализм. Психотерапевты чесали в затылках, прикидывая, сколько же дебилов подарят несчастные мамы после бомбардировок в приграничных районах, сколько агрессивной шизы добавится в городах и весях после очередной истерии ужаса, развернутой телеканалами и прессой. В сущности после такого массированного долбежа сохранить здравие и рассудок действительно представлялось невыполнимым. Ибо вывод яснее некуда: либо народ становится индифферентным к любому горю, либо по-тихоньку начинает плыть крышей. Третьего, сударики, не дано!

Бомж сел на диване, вытащил из-под дивана пакет.

– Ах, ты, Дима, моя Дима, ты мне так необходима... – он прислушался, к тому, что бормочет, в сердцах сплюнул. Идиотский, неизвестно где подхваченный, мотивчик пивкой засел в мозг. Еще одно следствие опутавшей планету субкультуры.

Он медленно развернул пакет, достал экспроприированный в «Мастер-Глоуб» радиотелефон, взвесив на ладони, приложил к уху. Увы, вчерашний трофей уже не работал. Пару раз он щелкнул миниатюрным переключателем, но трубка продолжала безмолвствовать. Бомж сокрушенно вздохнул. Что ж, этого следовало ожидать. Надеяться, что взятая у охраны радиоигрушка будет служить вечно, было по меньшей мере наивно. Разумеется, парни тотчас поменяли частоту, а то и номерок. Сейчас это делается проще простого, а значит, все-таки придется выходить на улицу.

Бомж прошелся по квартире художника, мимоходом раздавил пересекающего комнату таракана. Последнего зверья тут хватало в избытке. Усы торчали из-под плинтуса, партизанское шебуршание угадывалось за подвешенными на стену полками. Тут и там на стареньких обоях зияли цветастые кляксы, в ссохшейся кашеце которых порой просматривались жалкие тараканышки останки. Видимо, в моменты творческого раздражения художник не снисходил ни

до тапок, ни до свернутых трубкой газет, – бил тем, что было под рукой, меча кисти, точно десантные ножи.

Приблизившись к окну, бомж осторожно потрогал выставленную на треноге картину. Очередная голышка неуверенно улыбалась из мира красок миру реальному. Личико, впрочем, знакомое. Похоже, художнику позировала одна и та же дамочка. Бомж улыбнулся. Забавно, но кудлатому, презирающему комфорт бородачу кое-что и впрямь удавалось. Улыбку обнаженной он сумел зарядить чем-то извечно зовущим, припорошенным мгlistым одиночеством. В сущности картины были единственным в этой провонявшей алкогольной несвежестью квартиры, на чем стоило задержать взгляд. Бородач умел рисовать, это не вызывало сомнения. И абсолютно не умел вести хозяйство. Бомж снова опустился на диван, задумчиво уставился в пол.

Дежа-вю... То, что когда-то уже было. Дежа – уже, вю – видел. И точно так же, в такой же позе он когда-то сидел, разглядывая обшарпанные половицы. Маленькая деревушка в бывшей Югославии, в которую они вошли вскоре после артиллерийского обстрела сепаратистов. Югославы убивали югославов, убивали с поражающей жесточенностью. И кто там первый из них начал, кто подхватил и развил, теперь уже было не разобраться. То есть про первых-то как раз ясно. Первыми, увы, начали россияне, развалив берлинскую стену, а после и весь Союз. И уже потом поползло-поехало. Прибалтийцы, украинцы, поляки, болгары... У этих, впрочем, обошлось без крови, а вот в Югославии народец оказался горячим. Хорваты, боснийцы, сербы, албанцы – все схватились за оружие. Разумеется, горячий народец подогревали внешние силы. Кому-то подобная буза всегда оказывается на руку. И то, что творили под шумок в Югославии, почему-то называлось большой политикой. Большой-пребольшой, хотя давно известно, что всякая большая политика – это прежде всего большая кровь. Война – не тот костерок, возле которого позволительно греть руки, но, разумеется, греют – и еще как греют! Кому-то нужен баланс сил, и волонтерами с обеих сторон идут юноши и взрослые мужи, дабы мстить за пролитое и попранное. Известные всему миру «калаши» берут в руки обезумевшие женщины. Тот, кто побывал в Югославии, легко мог предсказать и Чечню с Дагестаном. А он... Он всегда был белой вороной. И в Афганистане, и в Югославии, и здесь в России.

Еще капитаном, получив в ведение роту, бурно взялся за искоренение дедовщины. По молодости верил, что дедовщина – такой же бред, как пресловутые российские очереди. Побочный результат любого недомыслия. Есть товар и есть желание быстро продать и купить, тем не менее, все семьдесят лет советский народ парился в очередях. То же самое с дедовщиной. Коллектив, даже самый малый, не способен жить без законов. Нет власти в стране, контроль переходит к криминалу, нет законов в армии, законодательный суррогат придумывают сами солдатики. Возникает иерархия чинов среди рядовых – от салаг и шнурков до дедов. Главная причина – тоска и скука, размазанные на все восемнадцать часов бодрствования, бессмысленная шагистика, ежедневная шлифовка латунных пряжек и пуговиц, подшивание подворотничков. В самом деле, латунь – металл хреновый, окисляется в считанные часы, а солдатские шеи, вот беда-то! – тоже отчего-то быстро засаливаются. Ежевечерний душ – роскошь, еженедельная баня – барство! А заменить дурную латунь на что-то более практичное – дело мвовсе невозможное. Куда проще шпынять молодых в хвост и гриву, заставляя тратить бездну времени на ваксу с кирзой, на возню с нитками и иголками, на выстаивание очередей за вечно занятым утюгом и прочую чушь. И если бы дело было только в пряжках с подворотничками! На измышление дурных дел советская армия всегда была впереди планеты всей. И нечего удивляться жутким потерям в Чечне. Полгода учебки не делают солдата солдатом, а уж когда на протяжении этого полугода новобранцы ничего не видят, кроме асфальтового плаца, стриженных тополей и бессчетных построений, о каких боевых навыках может идти речь!

Впрочем, прыткий капитан сумел таки заразить идеями своего непосредственного начальника, с разрешения последнего взялся менять порядки во всем батальоне, налег на физи-

ческую и специальную подготовку, самовольно расширил занятия по тактике. Не переставая изумляться убогому солдатскому городку, рьяно принялся за полномасштабное строительство. Все было вполне решаемо, и не нужно было кланчить средства у казны. Из металла, валявшегося повсюду, солдатики сами принялись изготавливать спортивные снаряды, попутно осваивали специальности слесарей и сварщиков. Нашлись среди молодежи свои камнетесы, с помощью которых вместо провонявшего галюна на три десятка мест (это на полтысячи-то гавриков!) в один месяц соорудили пару вполне приличных туалетов. Чуть позже построили душевые. Проекты делали опять же сами рядовые, среди которых отыскивались вполне грамотные студенты-архитекторы. Обычно таковых использовали для раскраски щитов с наглядной агитацией, капитан нашел им более рациональное применение, превратив в инженеров и бригадиров. Он не заводил фискальных дел, не заставлял взводных следить за сержантами и старослужащими. По его мнению, излечить армию могло лишь ее исконное занятие, а именно тяжелый армейский труд, ничего общего не имеющий со всеобщей российской показухой. Армия – не стая и не стадо. Солдатики просто обязаны качать мускулы и становиться спортсменами, должны уметь оказывать первую помощь, мастерить, плотничать, рыть окопы и слесарничать. Не хватает горючки с патронами? Черт с ними! Кто мешает проводить ежедневные учения с минимумом стрельбы? Если разобраться, лишняя пальба – чаще всего от страха, от собственной неумелости. Настоящий профессионал стреляет редко, пытается маневрировать и выжидать, скрытно совершать броски. Большой поклонник айкидо, капитан создал в батальоне несколько спортивных секций, записав в них практически весь рядовой состав. Сам с удовольствием выходил на татам, с азартом тренировал стриженных салажат.

Увы, самодеятельность его долго не продлилась. Первая же комиссия сделала всем втык за отсутствие наглядной агитации, за внеплановые постройки на территории городка, за пыльные мундиры возвращавшихся с полевых учений рот. Дальше – больше. Штабные чины взялись пролистывать планы и конспекты занятий, после чего разразился настоящий шторм. Преподавали, оказывается, не то и не так. Идеологическая работа велась из рук вон плохо, в местной библиотеке вместо утвержденного списка социалистических бестселлеров оказались исторические труды Клаузевица и Фабиана, мемуары Наполеона и Черчиля, повести Быкова, Воробьева и Кондратьева. Больше всех досталось, конечно, капитану – главного зачинщику всех этих нововведений. Именно тогда его и выпнули в первую горячую точку. За первой последовала вторая, а там и третья. Тем не менее, капитан умудрился стать майором, а там уже и сам сорвался, ответив грубостью на грубость старшего по званию. Пьяненький подполковник попытался дать ему пощечину, в результате чего оказался связан по рукам и ногам, а после помещен в затхлую кладовую. На этом карьере строптивного майора его и оборвалась. До трибунала дело не дошло, но кое-кто участливо намекнул: «Поедешь добровольцем в Европу, спишем и этот проступок». Однако не списали. Потому что именно в Югославии майор окончательно превратился в аутсайдера. Потому что под войну и под шумок армейские чинуши с той и другой стороны продолжали крутить коммерческие операции. Совсем как в Германии, где ни за грош незадачливый советский президент подарил немцам полк «мигарей» вооруженных новейшими ракетами и уйму танков, совсем как в Чечне, где направо и налево списывались миллионы и миллиарды. Когда льется солдатская кровушка, деньги не считают. Лучшего прикрытия, чем война, историей не придумано. Вот и сдали нервы, изменила выдержка. С вышедшим за флажки «волком» разобрались легко и просто, сделав козлом отпущения, спровадив сначала в Россию, а после и за колючую проволоку. И именно тогда он впервые со всей наглядностью понял, насколько зона похожа на армию, а, поняв, чуть было не сошел с ума...

Бывший майор и нынешний бомж поднял голову. Он понимал, что мстить миру глупо. Весь мир, в общем-то, и не виноват. Но были конкретные пни и кочки, которые заставили его растянуться в пыли. Женщина, которую он нашел в Югославии, которая согласилась стать его женой, в итоге погибла. Профессия, которую он выбрал, – вздорная, непростая и все-таки та

единственная, от которой он получал удовольствие, была также навсегда потеряна. Кто-то был просто обязан ответить за все это, и бомж знал, что этот «кто-то» рано или поздно ответит.

Медлительным движением старика он достал из пакета заляпанную кровью куртку, нащарив в кармашке твердое, расстегнул молнию и извлек пластмассовый мундштук. Развинтив капсулу, вытряхнул на ладонь свернутый в трубочку лист. Вот и настала пора заняться настоящим чтением! Щурясь, он опустился на диван, осторожно раскатал бумажку на коленях. Буквенные сокращения и колонку с телефонами следовало крепко-накрепко запомнить. В бумажки заглядывать будет некогда, как некогда будет и болеть. Следовало браться за охоту всерьез. Не для того он приехал в столицу и не для того обзавелся наконец крышей над головой.

Майор зашевелил губами, вновь и вновь повторяя выученное. Удовлетворенно кивнув самому себе, поднялся с дивана. Щелкнув зажигалкой подпалил крохотную бумажку.

Глава 10

Идея была несложной. Трубку сотового телефона в одном из глухих дворики бомж подержал в костерке дворника, обуглив до полной неузнаваемости. Далее, купив кольцо скотча, на троллейбусе добрался до нужного района, без особого труда нашел офис одного из людей Насарпанова. В идеале следовало бы оставить улику в офисе или на квартире чинуши, но без шума это вряд ли бы получилось. Кроме того нынешнее состояние не позволяло рисковать. Он и без того двигался, как деревянный, держа голову неестественно прямо, время от времени останавливаясь на перекур. Вчерашняя потеря крови продолжала сказываться, хотя бородач Артемий ему здорово помог. Только задним числом бывший майор понял, как ему повезло, что поблизости оказался этот бородатый чудачок. Без качественной перевязки долго в Макдональдсе он бы не просидел. Так и нашли бы его потом лежащим под столом с кучей денег в карманах, в луже собственной кровушки. О дальнейшем не хотелось даже думать...

Машину чинуши, стоящую перед офисом, вычислить оказалось несложно. Если возле пары потрепанных «Жигулей» стоит сияющий первозданной белизной «Фольксваген», кто есть кто, поймет и ребенок. Проходя мимо иномарки, бомж нагнулся и быстрым движением прилепил искореженную трубку к днищу. Камер монитора на крыльце офиса не наблюдалось, однако он старательно изобразил, что отряхивает брюки. Не слишком торопливо удалился от служебной стоянки. Рабочий телефон-автомат обнаружился за углом. Бомж позвонил по одному из указанных в списке телефонов, прокашлявшись, сухо попросил:

– Глотова мне!

– Кто спрашивает?

– Зам Насарпанова. Он знает.

– Сейчас у него важный разговор, но если вы подождете...

– Я ждать не буду. Передайте господину Глотову, что его ждет у себя полковник Насарпанов. Звонить не надо, пусть сразу приезжает. Разговор пойдет об одной из боснийских операций. Так ему и передайте.

– Хорошо, я попробую...

Не дослушав, бомж повесил трубку, быстрым шагом вернулся к выбранному посту наблюдения. Ждать долго не пришлось. Глотов, тот самый, что напару с лейтенантом Комлевым Stellung перед Насарпановым в Югославии, выскочил из офиса, спустя пять-семь минут. Вдвоем с коренастым охранником они втиснулись в чистенькую умытую «Мазду», с места в карьер рванули вверх по улице. Бомж проводил их обеспокоенным взглядом. Если трубка не отвалится по дороге, сюрприз выгорит, а отвалится, придется выдумывать иные экзотические уловки.

Следующий звонок был сделан из той же телефонной будки, но уже в кабинет Насарпанова. Секретарю, поднявшему трубку, тем же приглушенным голосом бомж объяснил:

– Передайте вашему начдиву, что Глотова ведут. Так и скажите: ведут. Если не поверит, пусть перетряхнет одежду Глотова, внимательно осмотрит машину. Если что-то найдете, знайте: аппаратуру подслушивания устанавливал Комлев Георгий Викторович. Денежную сумму за это он получил на днях от заказчика. Имя заказчика мне пока неизвестно. У меня все.

– Одну секундочку! Кто это?!

– Неважно. Я вам еще позвоню.

Луч света скользнул по глянцевым от влаги стенам, замер желтым размазанным пятном на потолке. Комлев Георгий Викторович прищурился. Темный от времени свод подвала пятнали крупные капли. Он потрогал ближайшие пупырышки пальцем, удивленно изогнул бровь.

Капельки на потолке оказались окаменевшими. Еще не сталактиты, но уже кое-что. Из таких вот крохотных зародышей, должно быть, и вызревают постепенно огромные сосульки. Надо только чуточку подождать – лет этак с тысячу...

Из-за спины донесся задушенный хрип. Ерема с Лешим в соседнем зальчике дуплили Ката. Звуки ударов сопровождались потоками угроз и брани. Ребятки сами себя заводили, судя по всему – работали уже ногами.

Комлев поморщился. Свины! С кем же ему все-таки приходится якшаться! Быдло, годное только для самой черновой работы. Час назад втроем жарили телку, и вот уже двое гробят третьего. Только потому что так сказал хозяин. Впрочем, наверное, и правильно сказал. Кое-кто придерживался паучьей политики, разрастаясь ввысь и вширь, Насарпанов считал, что от шелухи просто необходимо время от времени освобождаться. Ядро есть ядро, его следует содержать в чистоте, все попутное – полезно лишь до первого перекрестка. Лучшие из лучших, разумеется, зачисляются в разряд неприкасаемых, но таких всегда было абсолютное меньшинство. Отработанный материал списывали и списывают в утиль. Так было проще, так было надежнее.

Комлев безгласно высморкался, прислушавшись к затихающим звукам драки, вынул из прячущейся под мышкой кобуры пистолет, уверенным движением навинтил на ствол глушитель. Подвал был глухой и глубокий, однако береженого Бог бережет. Да и не терпелось опробовать новинку. Партию глушителей привез приятель из Германии. В отличие от российских, эти были на порядок компактнее, по заверениям дружка обладали вдвое большим ресурсом.

– Молчит, хозяин! – сзади, громко сопя, приблизился Ерема. – Похоже, все отдали. Иначе бы раскололся.

– Это уж точно.

Комлев спустил флажок предохранителя, подумал, что операций напрасных не бывает. Умный политик любую ситуацию способен использовать себе во благо. У Ката не оказалось припрятанных денег – и черт с ним. Полковник прав, им следовало давно избавиться от гнилой троицы, вот и представился удобный случай. Ребятки сами нашли этот подвал, в сущности подобрали для себя идеальное подобие склепа. Есть помощники на годы, а есть на дни и недели. С последними следовало расставаться без сожаления.

– Ладно, пойдем, – Комлев повернулся к Ереме. Стараясь не наступать на разбросанные всюду битые кирпичи, они прошли в соседний зальчик. Ерема по пути задел макушкой приземистый арочный свод, яростно зашипел.

– Твари пастозные! Кто этот подвал только откапывал!

– Кто откапывал, тех уж нет, – Комлев снова с любопытством огляделся. Без сомнения катакомбы по возрасту тянули за добрую сотню лет. Потемневший от времени кирпич, округло вздымающаяся кладка и никакого бетона. В нынешнем двадцатом веке так уже никто, пожалуй, не строил.

– Георгий Викторович! – Кат, угадав во тьме хозяина, метнулся к нему, быстро перебирая по полу коленями. – Падлой буду, все отдал!..

Нога Лешего ударила его в грудь, бросая на каменную шелуху. Кат захрипел. Разбитое в кровь лицо его жутковато поблескивало.

– Посвети-ка!

Ерема послушно поднял фонарь. Кат зажмурился от блеснувшей в лицо вспышки выстрела. Беззвучно дернул ногой и затих.

– Выше, – пробормотал Комлев. – Выше фонарь подними.

Леший прикрылся ладошкой.

– На меня-то зачем светить?

– А это, Леший, чтобы я ненароком не промахнулся.

Комлев снова выстрелил. На этот раз пуля угодила в грудь. Нелепо перекрутившись телом, Леший повалился рядом с Катом.

– Черт!.. – Ерема ничего не понимал.

– Порядок! – успокоил его Комлев. – На Лешего пришла разнорядка. Сверху. Сам знаешь, как это бывает. Я-то против него ничего не имел, но кому-то он, видно, не понравился.

Комлев склонил голову набок, взглянул на перепуганного Ерему.

– А ты, я вижу, жалеешь дружка?

– Почему жалею?

– Да так, по глазам вижу.

– Я? С чего вы взяли? – Ерема судорожно подбирал слова. – Он жлоб был. Ни пивком угостить, ни в долг дать. Ничего я не жалею!

– Вот видишь! Было, значит, за что кончить гада. Все мы, братец мой, заслуживаем не самой лучшей участи. Про себя-то как думаешь? Грешен или не очень?

– Я? – Ерема совсем растерялся. Белесые его ресницы часто запорхали. – Я ж все, как вы... Никогда ничего против!

– Да? А Ката зачем дуплил? Собрата своего вчерашнего? Он-то, помнится, выручил тебя разок. Это когда, значит, катран накрыли. Тебе ляжку из «Макарова» прострелили, а Кат, дурачок такой, тебя на загорбке пер, до машины своей дотянул. Спас практически. А ты вон его как отблагодарил.

– Так вы же сами велели!

– Правильно, велел. Только ты ведь и возразить мог. Заступиться, так сказать, за корешка. Отчего ж не заступился?

Видимо, Ерема все понял. На глазах его выступили слезы, он упал на колени.

– Все сделаю! Любую падлу порву, только укажите!

– Ой, нехорошие вещи говоришь!

– Самую пакостную работу! Замочить кого, опустить... Только не убивайте!

– Не надо, Ерем. Жизнь в сущности – короткий перегон от станции к станции. Что подлаешь... Нынешний твой отрезок получился не самым лучезарным. Вот я и хочу тебе помочь, понимаешь?

– Георгий Викторович!..

– Брось, Ерема! Против кармы не попрешь, и, как знать, следующая твоя жизнь, следующая суть могут оказаться лучше. Даже наверняка так оно и выйдет, уж ты мне поверь. Главное, чтобы ты сейчас осознал, кто ты есть. Не умом, а сердцем осознал. Тогда знание перейдет с тобой в следующую жизнь. Появится шанс, Ерема! Шанс превратиться из навозного жука в личность.

– Георгий Викторович! За что?! Ведь я...

Комлев увидел тянущиеся к нему дрожащие руки Еремы – те самые руки, которые только что дуплили Ката. Мощные ладони, сбитые в кровь костяшки. Внимательно посчитать, так ужаснешься, сколько же ребер и зубов Ерема сокрушил этими трепещущими ручонками.

Он не стал тянуть. Палец мягко придавил спусковую скобу. Пистолет выплюнул пулю в лицо Ереме, опрокинул на пол. Ни стонов, ни всхлипов, одна только величественная тишина – то, что и должно властвовать в подземелье. Комлев с наслаждением зажмурился. Физические тела убитых умрут в течение суток, на седьмые в астрал уйдет три четверти нынешней их сути, на сороковые растворится последнее самое призрачное из тел. Состоится таинство возрождения. Кто знает, возможно, в иных оболочках и у других родителей эти обормоты и впрямь будут счастливы?

Свинтив глушитель, он сунул пистолет в кобуру, осветил фонарем вокруг себя. На темном полу гильзы сверкали точно золотые самородки. Подобрал их, Комлев неторопливо зашагал к выходу из подвала...

День ослепил его, заставил зажмуриться. Слишком силен был контраст меж оставленным за спиной царством Тартара и этим залитым солнцем пространством. Часто моргая, он беспомощно протер веки. На небо было невозможно взглянуть, даже грязненький, открывшийся справа пруд был цвета сверкающего антрацита. Пройдя чуть вперед и широко размахнувшись, Комлев выбросил гильзы в воду. Достав платок, промокнул слезящиеся глаза, глядя под ноги, приблизился к бежевому «Форду».

Верно, этот свет и сослужил ему скверную службу. Он не заметил того, что обязан был заметить. Сигнализация пискнула, как и положено, однако дверца отворилась почему-то с трудом. Он не обратил на это внимание. В кабине еще раз протер глаза, обмотал глушитель платком, бросил в кожаную сумку. Ноги привычно легли на педали, ладонь – на рычаг переключения скоростей, и только тогда он почувствовал, что в машине он не один. На мгновение Комлев замер, пытаясь проанализировать ситуацию. Не дожидаясь команды, рука сама поползла за пазуху к кобуре. И тотчас что-то металлически жесткое уперлось ему в шею.

– Не дергайся, Гоша! Я выстрелю раньше.

– Кто ты?

Сзади слышался смехок.

– А ты не узнал?

Комлев искоса глянул в лобовое зеркальце. На заднем сидении его бежевого красавца действительно устроился незваный пассажир. Мощная, повязанная белым платком шея, сдвинутая до бровей кепка «а ля Лужков», недобрый взгляд. Трепыхаться и впрямь не имело смысла. Этого человека Георгий Викторович знал отлично.

Глава 11

Пары секунд хватило Комлеву, чтобы прийти в себя. Чрезвычайные ситуации, как и чрезвычайные моменты, для него были не в новинку.

– Здорово, майор! – он криво улыбнулся.

– Привет, капитан! Или уже не капитан?

– Да нет, выше не поднялся.

– А может, не подняли?

– Можно сказать и так.

– Странно? Вроде верно и предано служил. За что такая немилость?

– А ты не ерничай. Служил действительно верно и предано.

– Значит, не оценили?

– Выходит, нет. – Комлев чуть обернулся. – Вот уж не чаял тебя здесь встретить.

– А я, понимаешь, чаял. Чаю и жаждал встретить старых друзей-приятелей. И Насарпанчика обязательно повидать, и Глотова, и тех, кто давал вам приказы.

– Не та высота, майор, не допрыгнешь.

– Уж я постараюсь. У меня, видишь ли, есть одно серьезное преимущество.

– Это какое же?

– Мне, Гош, терять нечего. Ни паспорта, ни жилья, ни прописки. Перед тобой типичный российский бомж. Я ведь в бегах, как ты понял.

– Уже сообразил. Как тебе удалось освободиться?

– А ты наведи справки, тебе расскажут.

– Неужели сбежал?

– А чего ты ждал? Мне, братец ты мой, расслаивать на зоне некогда было. Меня дела ждали. На воле.

– Какие еще дела?

– Ты о них знаешь, не юли. Во-первых, за себя слово сказать, а во-вторых, за жену. Вы ведь ее списали, верно? – Бомж порывисто вздохнул. – А она ведь беременной была. Стало быть, двойной к вам счет. Потому и не усидел. Не было мне там резона задерживаться... Ты, кстати, пистолетик-то вынь. Я ведь вижу, куда ты тянешься. А ломать прежде времени твою шейку, ой, как неохота. Давай, давай!.. Осторожно – двумя пальчиками левой руки...

– Ты же знаешь, я с левой тоже неплохо быю.

– Стрельба по-македонски? Как же, знаю, а все же так оно надежнее. – Бомж перехватил протянутый пистолет, не спуская глаз с Комлева, нюхнул дульный срез. – Горяченький ствол. Прямо руки жжет. В обойме сколько осталось?

– Много. Патронов пятнадцать.

– Ого! Хорошая у него обойма!.. Да это никак австрийская бирюлька? Хмм... «Глок-18»? – бомж взвесил пистолетик на ладони. – Легонький, однако! Наш «Стечкин» раза в два потяжелее.

– Так и есть.

– Значит, по-прежнему, уважаешь импорт?

– Немецкое оружие всегда было самым лучшим.

– Отождествляешь немцев с австрийцами?

– Гитлер считал себя немцем.

– Ага! Наполеон – французом, а Сталин – русским...

– Не передергивай!

– Ладно, это в общем неважно... В подвале, как я понимаю, остались жмурики? Я ведь видел, как вы туда спускались. Вчетвером, кажется?

Комлев передернул плечом.

– Не бери в голову. Так... Шелупонь подзаборная.

Бомж покачал головой.

– Завидую. Людей чпокаешь, как мурашей.

– А чего их жалеть! Самый бросовый товар на планете. Сколько уж там миллиардов наплодилось на сегодняшний день, помнишь?.. Вот видишь, сразу и не ответишь. Потому как много нас. Чертова прорва. Всю природу загадили.

– Так ты у нас, выходит, борец за экологию? Потому, стало быть, и оружие направо и налево пускаешь? Для скорейшего, так сказать, очищения планеты?

– Это уж суди, как хочешь.

– А я и приехал судить. Какие еще дела мне остались на белом свете?.. – бомж хмыкнул. – Ты вот что, Гошик, глушитель из сумочки вынь и тоже мне передай. В хозяйстве оно, сам понимаешь, все может сгодиться.

Комлев, не прекословя, отдал завернутый в платок глушитель.

– Запасной обоймы, часом, нет?

– Я тебе не склад боеприпасов.

– Верю, – бомж опустил железячку, которую прижимал к затылку Комлева. – А теперь, друг ситный, ты мне подробненько расскажешь, на кого работал Насарпанов, чьи конкретно указания выполнял ты, когда спроваживал меня за решетку.

– Лихой ты парень, майор! Только сам рассуди, какой резон мне с тобой откровенничать?

– Резон, Гоша, всегда есть. Ты, помнится, любил порассуждать насчет кармы с харизмой, вот и кумекай. Сашу косноязычного нашего помнишь?

– Это подполковника, что ли?

– Верно, того самого, которого грохнул кто-то из твоих дружков.

– Не из моих!

– Неважно. Только ты и тогда толковал что-то такое насчет судьбы, харизматического предназначения и прочих восточных премудростей.

– А причем тут судьба с харизмой?

– При том, милый, что сейчас в тебе харизмы ни на грош. Ни вот на столечко, – бомж показал ему двумя пальцами. – Вот и думай-ссображай. Покаешься, как знать, второй раз, может, родишься каким-нибудь поэтом.

– Почему второй?

– Ну, не знаю, может, в третий или четвертый. Я в этих материях не силен. Так или иначе – но поговорить стоит.

– Я лично в этом сомневаюсь.

– А я вот нет.

– Ты ведь знаешь, ни боли, ни пыток я не боюсь. Да и смерти тоже. Так что кончай сразу.

– Ну, с этим я, пожалуй, могу и погодить.

– Отпустишь живым? – Комлев недоверчиво обернулся. Стволом пистолета собеседник ткнул ему в скулу, заставил вновь смотреть в лобовое стекло.

– Может, и отпущу. Есть такая вероятность. Ты ведь, извини меня, только шестерка. Хоть и капитанил когда-то. Пятки с задницами, может, и не лизал, но служил и впрямь ревностно. Мне же требуется пахан. То бишь, Насарпановский босс. Такова цена твоей жизни.

– Шутишь?

– Ничуть. Тем более, что есть аксиома: звери в одной клетке долго не живут. Рано или поздно один поедает всех. И тебя, Гош, тоже очень скоро съедят.

– Это еще почему?

– А занозистый ты. Злой. И знаешь чересчур много, и молодым дорогу заступаешь. В общем найдут, за что скушать. Так что думай, Гош, крепко думай!

Комлев в молчании прикрыл глаза. Гость на заднем сидении его не торопил. Они и впрямь знали друг дружку слишком хорошо. Вероятно, и мысли в эту минуту у них струились в одном направлении.

– Хорошо, – Комлев открыл глаза. – Слушай и запоминай. Жену твою я не трогал. Это спецназовцы Глотова поработали. Они, кстати, до сих пор за кордоном – кто где. Как Сербскую Крайину потеряли, так многие в затылках чесать начали. К Белграду-то, сам знаешь, как отнормались. Идейные, конечно, туда потянулись, а любители капустки на сторону рванули. То есть, это я об исполнителях. Словом, может статься, и нет уж никого в живых. Там ведь после тебя хорваты снова в наступление поперли. Мясорубка была жуткая. Да и при тебе, если помнишь, нарядец выщелкивали, как уток в сентябре.

– Помню. Где сам прапор?

– Мистер Глотов-то? Туточки, конечно. Он как раз подобные местечки не слишком потчует. Здесь, как видишь, и тише, и здоровее. Работает по-прежнему с полковником, фирмой обзавелся, охраной.

– Все вроде сходится.

– Проверяешь? – Комлев хмыкнул. – И хрен с тобой. Я вру только в одном случае: если долг того требует.

– А долг того требует?

– Будто сам не знаешь нашей армии. Требуется, майор, еще как требует! Прямо за глотку берет. Я присягу давал именно ей родимой – российской и легендарной. Стало быть, и играл по ее правилам.

– В уставе про ваши правила ничего нет.

– В Конституции про нынешний бардак тоже ничего нет, однако живем как раз по ней.

– Ты никак оппозиционером стал?

– Да никогда в жизни! – Комлев кивнул за окно. – Это все – один сплошной театр. Светлое, черное, иллюзорное... Кто-то трепыхается, а кто-то воспринимает мир, как данность. Вот и я воспринимаю. Чего хвостом-то вилать? Жизнь – это выживание. Кто как умеет, тот так и живет. А тюрягу тебе подстроил действительно я, тут юлить не буду. Было такое ценное указание сверху. Ты нам не просто мешал, ты страшать нас вздумал. Думали, один Саша поперек командования пошел, а оказалось, что нет.

– Кстати, кто все-таки грохнул подполковника?

– Не знаю. Но нашлись, видно, волонтеры. Ты ведь помнишь, Сашок тоже был не из сахарных. Матом кого угодно мог обложить.

– Он честный был.

– За то и пострадал. А после... После Насарпанчик дал добро на твоё устранение. – Комлев выразительно посмотрел на соседа. – Соображаешь? Не арест, не задержание, а ликвидацию. Потому что действительно проще и надежнее было тебя шлепнуть.

– Как Сашу.

– Точно. В какой-нибудь из заварушек. И закопали бы поглубже, и слушок нужный пустили бы. Только мне это не улыбалось.

– Что? Рука не поднялась? – бомж фыркнул. – Не надо, Гош! Ни про благородство, ни про армейское братство. Давай коротко и по существу.

– А по существу могу сказать следующее. Общего картеля или синдиката у нас нет. Сам, наверное, помнишь, какая каша заваривалась. Со всего света людишки, считай, слетались. И оружие перло со всех сторон. Так что не ищи призрака, потому как всегда была и есть прорва любителей поживиться армейским барахлом. А уж таких любителей во все времена прибирали к рукам опытные дяди с Олимпа. Насарпанов такого дядю тоже нашел.

– Что еще за дядя?

– Дядя обыкновенный – большой и мохнатый. Должность – в правительственной администрации, уж какая в точности, не скажу, не в курсе. Слышал, что кличут его Пионером. Что-то вроде партийного псевдонима. Он главным образом и покрывал все наши операции. Думаю, таких, как Насарпанов, под его крылышком – не один десяток. А потому погладить его по головке тебе не удастся. Ты мужик, конечно, сильный, но этот тип – за тремя бронированными стенами. Лоб расшибешь.

– Кто о нем может рассказать подробнее?

– Откуда ж мне знать? Вероятно, Насарпанов осведомлен более моего.

– А Готов?

– Вряд ли. Полковник не из болтливых. А уж Готову и вовсе не будет рассказывать лишнего.

– Ясно! – Бомж откинулся на спинку кресла, на минуту задумался. Потревоженная шея чуток ныла, в висках натюкивали крохотные молоточки. Тем не менее пистолет он держал уверенно.

– Что-нибудь еще?

– Да... Пару слов о деятельности Насарпанова. Чем он сейчас занят?

Комлев пожал плечами.

– Тем же, чем все вокруг. Купля-продажа, игра на бирже, с недвижимостью. Курирует районных челноков, содержит тройку фирм, торгующих автомашинами. Одна, кстати, подомной.

– Название?

– Зачем тебе?

– Мало ли... Вдруг снова потянет на разговор. Зайду в гости.

– Что ж, заходи, если не побоишься. Фирма называется «Росомаха». Вполне солидное предприятие, зарегистрировано по всем правилам, и даже налоги в казну отчисляет практически полностью.

– Да ну?

– А мы не жадные. И не делимся с урками, как все прочие. Потому и остается на хлеб с маслом.

– Понял, – бомж качнул головой. – Считай, что сегодня ты заработал не только на хлеб с маслом. Пожалуй, оставлю я тебе жизнь. Рук неохота марать.

– Вот спасибо-то! – Комлев фыркнул. – Ну что? Еще посидим или куда-то подбросить? Бомж кивнул.

– Давай где-нибудь поближе к центру. Заодно прокатись мимо Насарпановских объектов.

– Каких именно?

– Там, где он чаще всего бывает. Где посадить, я тебе подскажу.

Глава 12

– Черт! Это же он! – Сохатый встрепенулся на заднем сидении, дернул за плечо Королька. – Вон он, падла, узнаешь? В «Форде» сидит!

Королек обернулся в сторону, куда указывал приятель, а в следующую секунду почувствовал, как с плеч его сваливается тяжкая ноша. В иномарке, притормозившей перед светофором, действительно сидел потрепавший их в обменном пункте баклан.

– Схим, это впрямь он! Этот козел тогда на нас напал.

– Где? – Схим, лениво повернул голову.

– «Форд», что в правом ряду. Впереди чувак в белом, а сзади наш клиент.

– Вон как приоделся, фуфел! – рычал Сохатый. – А был в каких-то обносках. Небось на наши денежки жирует!

Схим развернул упаковку с «Орбитом», бросил в рот сразу с пяток подушечек, покосившись в боковое зеркальце, скривился.

– Отвечаете, что он?

Королек заколебался, зато Сохатый бацнул себя забинтованной кистью по груди.

– Гадом буду, он! Я эту гниду на всю жизнь запомнил. У него шея бычья и морда такая, блин!..

– Какая такая?

Сохатый вновь крутанулся на сидении.

– Черт его знает!.. Только когда он на меня глянул, я сразу просек: фирменный бычара!

– Не вертись! – процедил Схим. И без того узкие глаза его превратились в недобрые щелочки. – Значит, мастер кунг-фу, говорите?

– Или айкидо. Пира он качественно швырнул. Одним движением и шнобелем о стенку. Даже я слышал, как хрустнуло. Лепила потом три часа ему все на место вправлял.

– Проверим, – Схим кивнул сидящему рядом водителю. – Давай, Жора, за тем чуханом в «Форде».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.